

То, что я называю тревожным и пугающим, — это... медленное
нагнетание ужаса, и Хайсмит делает это по-настоящему здорово.
Она берет вас за руку и ведет к обрыву.

Гиллиан Флинн, автор романа «Исчезнувшая»

ПАТРИЦИЯ
ХАЙСМИТ

МИСТЕР РИПЛИ
ПОД ЗЕМЛЕЙ

Мистер Рипли

Патриция Хайсмит

Мистер Рипли под землей

«Азбука-Аттикус»

1970, 1993

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хайсмит П.

Мистер Рипли под землей / П. Хайсмит — «Азбука-Аттикус»,
1970, 1993 — (Мистер Рипли)

ISBN 978-5-389-22981-5

Прошло шесть лет с тех пор, как Том Рипли прибыл в Европу и, совершив убийство Дикки Гринфилда, унаследовал его деньги, а вместе с этим и привычки богатых людей, которым не приходится много думать о хлебе насущном. Том счастливо женат на дочери миллионера и живет на роскошной французской вилле недалеко от Орли. Подобно Дикки, мистер Рипли, новообращенный эстет и гедонист, посвящает досуг занятиям живописью; его окружают прекрасные произведения искусства, бессмертная музыка улаживает слух. Жизнь его кажется безмятежной, пока телефонный звонок из Лондона не нарушает ее мирное течение. Афера, связанная с подделкой и продажей картин, в которую Рипли ввязался несколько лет назад, грозит выплыть наружу. И Рипли отправляется в Лондон, нимало не заботясь о цене, которую придется заплатить за то, чтобы дело не получило огласки... «Мистер Рипли под землей» – вторая книга серии о мистере Рипли, самом популярном персонаже Патриции Хайсмит, который обитает в странном мире, где мертвые поднимаются из могил, где игра и реальность неотличимы, а подделка порой представляется более ценной, чем оригинал. Как и другие книги «риплиады», книга имела огромный успех у читателей, была переведена на многие языки, и по ее мотивам в 2005 году был снят фильм с Барри Пэппером в главной роли (в русском прокате фильм вышел под названием «Возвращение мистера Рипли»).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-22981-5

© Хайсмит П., 1970, 1993

© Азбука-Аттикус, 1970, 1993

Содержание

1	7
2	16
3	23
4	32
5	38
6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Патриция Хайсмит

Мистер Рипли под землей

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Я думаю, что скорее бы умер за то, во что я не верю, нежели за то, что считаю истинным...

Иногда мне кажется, что жизнь художника – это долгое и прекрасное самоубийство, и я не жалею об этом.

Оскар Уайльд (Из писем)

1

Том был в саду, когда зазвонил телефон. Он знал, что мадам Аннет, их экономка, снимет трубку, и продолжал счищать мох, облепивший каменные ступеньки. Октябрь в этом году выдался сырой.

– Мсье То-ом! – прозвучало сопрано мадам Аннет. – Это Лондон!

– Иду! – откликнулся Том. Он бросил лопату и поднялся по ступенькам.

На первом этаже телефон был в гостиной. Том не стал садиться на диван, обитый желтым атласом, так как был в рабочих джинсах.

– Том? Привет. Это Джефф. Ты... (*Щелк!*)

– Ты можешь говорить громче? Очень плохо слышно.

– Так лучше? Я слышу тебя нормально.

На другом конце провода всегда слышали нормально.

– Да, немного лучше.

– Ты получил мое письмо?

– Нет.

– Мм... Тут у нас проблема. Я хотел предупредить тебя. Дело в том...

Треск, зуммер, щелчок, и связь прервалась.

– Вот черт, – произнес Том флегматично. О чем предупредить? Что-то с галереей? С компанией «Дерватт лимитед»? Предупредить *его*? Но он же не занимается их делами. Да, это ему пришла в голову идея создать «Дерватт лимитед», и теперь она приносила ему кое-какие дивиденды, но... Том взглянул на телефон, ожидая, что тот зазвонит опять. Или, может быть, позвонить самому? Но он не знал, где Джефф – в галерее или у себя в студии. Джефф Констант был фотографом.

Том вышел в сад через стеклянные двери с задней стороны дома. Он поработает еще немного, решил он. Ему нравилось поковыряться часок-другой в саду – погонять взад-вперед газонокосилку, выполоть сорняки, сжечь сучья. Это давало возможность подышать свежим воздухом, а заодно о чем-нибудь помечтать... Не успел он взяться за лопату, как снова раздался звонок.

В гостиной опять появилась мадам Аннет с тряпкой для пыли в руках. Это была жизнерадостная крепкая коротышка лет шестидесяти. По-английски она не знала ни слова и, похоже, была неспособна выучить даже «Good morning»¹. Тома это вполне устраивало.

– Я подойду, мадам, – сказал Том и взял трубку.

– Алло! – раздался голос Джеффа. – Слушай, Том, ты не мог бы приехать сюда? Я...

– Ты – что? – Опять помехи, но спасибо, хоть связь на этот раз не прервалась.

– Я говорю, что я все объяснил в письме. Я не могу по телефону. Это очень серьезно, Том.

– Кто-то напортачил? Бернард?

– Отчасти. Тут один тип прилетает из Нью-Йорка – может быть, уже завтра.

– Что за тип?

– Я объяснил в письме. Ты ведь знаешь, во вторник открывается выставка Дерватта – впервые за два года. До тех пор постараемся избегать встречи с американцем – нас с Эдом просто «не будет на месте». – Тон у Джеффа был озабоченный. – Ты располагаешь временем, Том?

– Да... – Тому не хотелось ехать в Лондон.

– Было бы, наверно, лучше, если бы ты не говорил Элоизе, что едешь в Лондон.

– Элоиза в Греции.

¹ Доброе утро (*англ.*). – Здесь и далее примечания переводчика.

– Да? Это хорошо. – В голосе Джеффа впервые прозвучало некоторое облегчение. Письмо пришло в пять часов – заказное и срочное.

«Чарлз-плейс, 104

Дорогой Том,

во вторник 15-го состоится открытие выставки Дерватта, после двухлетнего перерыва. У Бернарда девятнадцать новых полотен; многие владельцы представят свои картины. Но возникло одно затруднение.

Объявился некий американец по имени Томас Мёрчисон – не торговец, но коллекционер. Он на пенсии, и бабок у него немерено. Три года назад он купил у нас одного Дерватта. Недавно в Штатах он увидел его более раннюю работу и теперь говорит, что принадлежащая ему картина – подделка. Так оно и есть, разумеется, – ведь ее писал Бернард. Он прислал мне письмо на адрес Бакмастерской галереи, в котором пишет, что, по его мнению, проданная ему картина не подлинная, так как техника и цветовая гамма типичны для более раннего дерваттовского периода. Не сомневаюсь, что он собирается поднять в связи с этим кипеж. Что нам делать? Может, ты придумаешь что-нибудь? У тебя котелок всегда хорошо варил.

Не мог бы ты приехать, чтобы обсудить это? Мы возьмем на себя все расходы. Что нам нужно в первую очередь – так это доказать, что у нас все в порядке. Я не думаю, чтобы Бернард допустил какой-нибудь серьезный ляпсус в одной из последних работ. Но он психует, и лучше бы ему поменьше показываться на людях – даже на открытии выставки (на открытии-то тем более).

Пожалуйста, приезжай, как только сможешь!

Всего,

Джефф.

P. S. Письмо Мёрчисона было вежливым, но что, если ему взбрдет в голову убедиться во всем самолично и он начнет разыскивать Дерватта в Мексике?»

«Да, это было бы забавно», – подумал Том. Ибо Дерватта не существовало. Согласно легенде, сочиненной Томом и распространенной Бакмастерской галереей и узким кругом друзей художника, Дерватт уединился в маленькой забытой богом деревушке в Мексике. У него нет телефона, он никого не хочет видеть и запретил галерее давать свой адрес кому бы то ни было. Если Мёрчисон отправится в Мексику на розыски Дерватта, ему хватит этого занятия до конца дней.

Чего Том действительно опасался, так это того, что Мёрчисон привезет с собой свою картину, начнет болтать с торговцами и поднимет шум в прессе. Возникнут нежелательные подозрения, и в итоге с фирмой «Дерватт лимитед» будет покончено. Впутает ли «шайка» в эти разборки его, Тома? (Мысленно он всегда называл друзей Дерватта из галереи «шайкой», хотя его самого всякий раз коробило от этого слова.) Бернард вполне мог бы упомянуть имя Тома Рипли, подумал Том, и не по злему умыслу, а просто в силу своей патологической честности – ни дать ни взять Иисус Христос.

Тому удалось сохранить свое имя и репутацию чистыми – он сам поражался этому, вспоминая все, что за ним числилось. Было бы очень неприятно, если бы во французских газетах появилось сообщение, что Томас Рипли, проживающий в Вильперсе-на-Сене, муж Элоизы Плиссон, дочери миллионера Жака Плиссона, владельца знаменитой фармацевтической фирмы, является инициатором сверхприбыльной аферы в виде компании «Дерватт лимитед» и уже несколько лет получает проценты от ее доходов – пусть даже этих процентов всего десять.

Это выглядело бы слишком мелко и гнусно. Даже Элоиза, чьи моральные устои были, по мнению Тома, близки к нулю, вряд ли воспримет это хладнокровно, а уж ее папочка непременно нажмет на дочь, перестав выплачивать ей содержание, чтобы расторгнуть их брак.

«Дерватт лимитед» стала большой, разветвленной организацией, и закрытие галереи повлечет за собой крах целого ряда предприятий. Среди них и торговля различными художественными материалами и орудиями труда, выпускавшимися под маркой «Дерватт», от которой вся «шайка», включая Тома, кое-что имела, и Школа искусств Дерватта в Перудже. Правда, учениками школы были в основном разные милые старушки да американские студентки, приезжавшие в Италию на каникулы, но тем не менее это тоже приносило определенный доход. Основная же прибыль поступала не в виде платы за обучение и не от продажи материалов, а от посредничества в сделках с недвижимостью. Они подыскивали дома и фешенебельные квартиры для обеспеченных туристов и, естественно, получали от этого неплохой навар. Школой управляла парочка английских леди, не имевших никакого отношения к мошенничеству с картинами и не знавших о нем.

Том никак не мог решить, ехать ему в Лондон или нет. Что он может им посоветовать? И потом, он не совсем понимал суть возникшей проблемы. Почему бы художнику в какой-то из своих картин не вернуться к старой манере?

– Мсье предпочитает на ужин отбивные из молодого барашка или холодную ветчину? – спросила мадам Аннет.

– Отбивные, пожалуй. Спасибо, мадам Аннет. Кстати, как ваш зуб?

Зуб всю ночь не давал ей покоя, и утром она пошла к местному врачу, пользовавшемуся ее глубочайшим доверием.

– Больше не болит. Доктор Гренье такой замечательный специалист! Он сказал, что там гнойник, но теперь, после того как он вскрыл зуб, нерв выпадет сам собой.

Том кивнул, хотя про себя удивился, каким это образом нерв может выпасть сам собой. Под действием силы тяжести? Ему однажды вытаскивали нерв, тоже из верхнего зуба, и притом с большим трудом.

– Хорошие вести из Лондона?

– Да так, ничего особенного, просто приятель звонил.

– А от мадам Элоизы ничего не было?

– Сегодня нет.

– Ах, подумать только! Греция! Солнце! – вздохнула мадам Аннет, протирая и без того блестящую крышку большого дубового сундука возле камина. – А в Вильперсе – посмотрите – никакого солнца! Зима наступила.

– Да.

Мадам Аннет повторяла эту фразу вот уже несколько дней.

Том не ждал Элоизу раньше Рождества. Хотя, с другой стороны, она могла появиться внезапно в любой момент – поссорившись с друзьями или решив, что ей надоело жить на яхте. Элоиза была непредсказуема.

Том поставил пластинку «Битлз», чтобы поднять настроение, и принялся ходить взад-вперед по просторной гостиной, засунув руки в карманы. Он обожал свой дом – двухэтажное здание из серого камня, почти квадратное, с четырьмя башнями над четырьмя круглыми угловыми комнатами на верхнем этаже. Благодаря башням дом немного напоминал замок. Вокруг раскинулся обширный сад, и вся усадьба стоила целое состояние – даже по американским меркам. Дом подарил три года назад отец Элоизы – к их свадьбе. До женитьбы Том нуждался в дополнительных средствах – денег Гринлифов не хватало на тот образ жизни, к которому он уже успел привыкнуть, и потому он с радостью ухватился за аферу с Дерваттом. Теперь он сожалел об этом. Он согласился на десять процентов, когда это было совсем немного. Даже он не предполагал, что «Дерватт лимитед» ожидает такой успех.

Вечер он провел так же, как проводил почти все вечера, – в тиши и одиночестве, но сегодня ему мешали беспокойные мысли. Во время еды он включил на небольшую громкость стереопроектор, а затем почитал Сервана-Шрайбера на французском. Ему попались два незнакомых слова. Перед сном он посмотрит их в словаре Харрапа, лежащем на тумбочке возле кровати. Он всегда помнил слова, которые надо было посмотреть.

После обеда он надел плащ, хотя дождя не было, и отправился пешком в небольшое кафе-бар, до которого было с четверть мили. Здесь он иногда выпивал по вечерам чашечку кофе у стойки. Хозяин заведения Жорж непременно справлялся о мадам Элоизе и выражал сочувствие Тому в связи с тем, что ему приходится столько времени проводить в одиночестве. Сегодня Том ответил ему бодрым тоном:

– Не думаю, что она просидит на этой яхте еще два месяца. Ей это наскучит.

– *Quel luxe*², – произнес Жорж мечтательно. У него было брюшко и круглая физиономия.

Том не слишком доверял его неизменному вкрадчивому добродушию. Мари, жена Жоржа, крупная энергичная брюнетка, употреблявшая ярко-красную помаду, была откровенно грубовата, но она умела так безудержно и заразительно смеяться, что это искупало все остальное. Кафе-бар посещал в основном простой люд, и Том ничего не имел против. Однако это не был его любимый бар – просто ближайший. К тому же Жорж и Мари никогда не упоминали Дикки Гринлифа, в отличие от некоторых парижских знакомых его и Элоизы, а также владельца гостиницы «Сен-Пьер», единственной в Вильперсе. Последний как-то спросил: «Вы, возможно, тот мсье Рипли, который был другом американца Гренлафа?» Том признался, что он тот самый мсье Рипли. Но это было три года назад, и сам по себе вопрос – если он не влек за собой никаких последствий – не беспокоил Тома; тем не менее он предпочитал не затрагивать этой темы. В газетах тогда появилось сообщение, что по завещанию Дикки он получил большую сумму, – некоторые писали, постоянный доход, и это было правдой. Французов всегда интересовали финансовые подробности. Но газеты не сообщали всей правды – они не знали, что Том сам написал это завещание.

Выпив кофе, Том пошел обратно, то и дело поскользываясь на влажных листьях, устилавших обочину дороги. Тротуаров здесь не было. Он прихватил с собой карманный фонарик, потому что уличные фонари стояли очень редко. Пару раз он сказал по дороге «*bonsoir*»³ попавшимся навстречу знакомым.

Время от времени перед ним предстала уютная картина – семейство на кухне вокруг стола, покрытого клеенкой, или у телевизора. В некоторых дворах лаяли на цепи собаки. Затем он открыл свои собственные железные ворота высотой десять футов, и его ботинки зазвенели по гравию. В комнате мадам Аннет горел свет. У нее был свой телевизор. Нередко по вечерам Том брался за кисть – исключительно ради развлечения. Он знал, что художник из него никудышный, хуже Дикки. Но сегодня у него не было настроения заниматься живописью. Вместо этого он написал письмо своему приятелю Ривзу Мино, американцу, живущему в Гамбурге. Он спрашивал Ривза, когда может ему понадобиться. Ривз собирался переправить микропленку или что-то там еще с итальянским графом Бертолоцци – причем так, чтобы сам граф об этом не догадался. Тот должен был провести день или два у Тома в Вильперсе, и в задачу Тома входило изъять у него этот предмет из чемодана или откуда бы то ни было (Ривз должен был сообщить откуда), а затем отослать его почтой в Париж человеку, которого Том не знал совсем. Том часто выполнял подобные поручения Ривза, помогая сбывать за границу краденые ценности или еще что-нибудь. Выудить переправляемый предмет из багажа гостя было легче в частном доме, чем в парижской гостинице, где надо было караулить момент, когда человек выйдет из номера. Том был немного знаком с графом Бертолоцци – видел его недавно во время поездки

² Какая роскошь (*фр.*).

³ Добрый вечер (*фр.*).

в Милан, куда Ривз тоже приезжал из своего Гамбурга. Том тогда побеседовал с графом о живописи. Обычно для Тома не составляло труда уговорить человека, располагающего временем, заехать к нему в Вильперс на пару дней и взглянуть на его картины. Помимо двух Дерваттов, у него была работа Сутина, которой он особенно гордился, один Ван Гог, два Магритта, а также графика Кокто и Пикассо и рисунки многих менее знаменитых художников, которые, на его взгляд, были ничуть не хуже, а то и лучше. Вильперс находился совсем недалеко от Парижа, и люди с удовольствием соглашались подышать деревенским воздухом перед тем, как двинуться дальше. Часто Том даже встречал их на своем автомобиле в Орли, поскольку Вильперс был всего в сорока милях к югу от аэропорта. Лишь один раз Том не сумел справиться со своей задачей, когда некоему заезжему американцу стало плохо сразу по приезде, – очевидно, он отравился чем-то в дороге. Гость постоянно пребывал в своей комнате и к тому же не мог уснуть, так что у Тома не было никакой возможности добраться до его чемодана. Впоследствии этот предмет – тоже, кажется, какая-то микропленка – был с великим трудом изъят у американца в Париже одним из людей Ривза. Том не мог понять, чего ради люди так возятся с этими пленками, как не мог этого понять и в детстве, читая шпионские романы. К тому же Ривз и сам был лишь передаточным звеном и получал небольшие проценты. Том отправлял эти вещи через почтовые отделения разных соседних городишек, при этом всегда указывал вымышленное имя и ложный обратный адрес.

В эту ночь Тому не спалось, и в конце концов он выбрался из постели, надел фиолетовый шерстяной халат – толстый, со множеством шнуров и кисточек, подарок Элоизы ко дню рождения, – и спустился в кухню. Он хотел было откупорить бутылочку пива «Супер Валстар», но передумал и решил заварить чай. Том почти никогда не пил чая, так что это некоторым образом гармонировало со всей атмосферой этой ночи – какой-то, он чувствовал, необычной. Он ходил по кухне на цыпочках, чтобы не разбудить мадам Аннет. Чай получился темно-красного оттенка – он насыпал его слишком много. Он прошел с подносом в гостиную, налил себе чашку и бесшумно бродил с ней по комнате в войлочных туфлях. А почему бы ему самому не притвориться Дерваттом? – подумал он. Ну да, конечно! Это будет решение всех проблем, решение кардинальное и единственно верное.

Они были почти ровесниками – Дерватту сейчас было бы лет тридцать пять, а Тому как раз исполнилось тридцать три. У него были серо-голубые глаза, вспомнил Том, – Бернад или его подружка Цинтия упомянули это однажды, вздохнув описывая ему Дерватта Непорочного. Кроме того, он носил небольшую бородку, что для Тома было – точнее, будет – просто неоценимо.

Джеффу Константу идея, несомненно, понравится. Устроить небольшую пресс-конференцию. Заранее обдумать, какие вопросы могут ему задать и что он им расскажет. Был ли Дерватт такого же роста, как он? Впрочем, кто из журналистов может это знать? Волосы у Дерватта были чуть темнее, подумал он. Но это легко исправить. Том глотнул еще чая, продолжая расхаживать по гостиной. Его появление должно быть неожиданным – даже для Эда с Джеффом, и уж подавно для Бернарда. По крайней мере, так они скажут прессе.

Том попытался представить себе встречу с Томасом Мёрчисоном. Главное – быть спокойным, уверенным в себе. Если уж сам Дерватт скажет, что картина его, что он написал ее, то кто такой Мёрчисон, чтобы перечить ему?

В порыве вдохновения Том подошел к телефону. В это время – было уже больше двух часов ночи – операторы часто засыпали, и на то, чтобы дозвониться, уходило минут десять. Том терпеливо ждал, сидя на краешке дивана. Он подумал, что Джеффу или кому-нибудь еще надо будет достать к его приезду очень хороший грим. Хотелось бы, чтобы за этим проследила какая-нибудь женщина – Цинтия, например, – но Цинтия и Бернад не встречались уже года два или три. Цинтия знала правду о Дерватте и о подделках Бернарда и не желала иметь с этим ничего общего – ни одного пенса от этой аферы, вспомнил Том.

– Aleo, j'écoute⁴, – произнесла телефонистка недовольным тоном, как будто Том вытащил ее из постели, чтобы она сделала ему одолжение. Том назвал ей номер студии Джеффа, который был записан у него в книжке возле телефона. Ему повезло – соединили через пять минут. Он пододвинул третью чашку гнусного чая поближе к аппарату.

– Алло, Джефф, это Том. Как дела?

– Все так же. Здесь Эд. Мы как раз думали, не позвонить ли тебе. Так ты приедешь?

– Да, и у меня есть идея. Что, если я сыграю роль... нашего общего друга – по крайней мере, в течение нескольких часов?

Джеффу потребовался лишь миг, чтобы оценить это предложение.

– Том, это гениально! Ты успеешь ко вторнику?

– Да, конечно.

– Может, приедешь в понедельник, послезавтра?

– Нет, вряд ли я смогу. Но во вторник буду. Теперь послушай, Джефф, мне нужен грим – и хороший.

– Об этом не беспокойся! Секундочку!.. – он отложил трубку, чтобы переговорить с Эдом, затем опять взял ее. – Эд говорит, что знает, где раздобыть его.

– Только не кричи об этом во всеуслышание, – урезонил его Том холодным тоном, чувствуя, что Джефф чуть ли не прыгает от радости. – И еще. Если это сорвется – если я не справлюсь, – надо будет сказать, что ваш друг – то есть я – просто хотел всех разыграть. Чтобы это не выглядело как... – ты понимаешь что. – Том имел в виду, как попытка выдать мёрчисоновскую подделку за подлинник, и Джефф сразу понял его.

– Эд хочет сказать пару слов.

– Привет, Том! – раздался более низкий голос Эда. – Это просто отлично, что ты приезжаешь. Идея грандиозная! И к тому же – ты знаешь – у Бернарда сохранилось кое-что из его вещей и одежды.

– Это на ваше усмотрение. – Внезапно Том почувствовал тревогу. – Одежда – это несущественно. Главное – лицо. Так вы там позаботитесь обо всем, да?

– Не волнуйся. Всего тебе.

Положив трубку, Том откинулся на спинку дивана и расслабился полулежа. Нет, торопиться с поездкой в Лондон не стоит. Надо появиться на сцене в последний момент, стремительно, не остыв с дороги. Слишком тщательное обсасывание деталей и репетиции могут только испортить все дело.

Том поднялся с чашкой холодного чая в руках. Было бы очень здорово и забавно, если бы ему удалось это, подумал он, разглядывая картину Дерватта над камином. На ней в розовых тонах был изображен человек, сидящий в кресле. У него было несколько накладывавшихся друг на друга силуэтов, и создавалось впечатление, что глядишь через чужие очки, которые искажают реальность. Некоторые говорили, что им больно смотреть на полотна Дерватта. Но на расстоянии трех-четырех футов ощущение пропадало. На самом деле это был не Дерватт, а одна из первых подделок Бернарда. Подлинный Дерватт висел на противоположной стене – «Красные стулья». Две маленькие девочки сидели бок о бок с крайне испуганным видом, словно были первый день в школе или слушали что-то жуткое в церкви. Картина была написана восемь или девять лет назад. Было непонятно, где девочки сидят, однако позади них бушевал огонь. Желтые и красные языки пламени рвались во все стороны, но их обволакивала белая дымка, так что зритель не сразу их замечал. Зато когда замечал, его будто током ударяло. Том любил обе картины. Глядя на них, он теперь почти никогда не думал о том, что лишь одна из них подлинная, а другая – нет.

⁴ Алло, я слушаю (фр.).

Том помнил, каким неоперившимся птенцом была «Дерватт лимитед» поначалу. Он встретил Джеффри Константа и Бернарда Тафтса в Лондоне вскоре после того, как Дерватт утонул – или утопился – в Греции. Том и сам только что вернулся из Греции – прошло совсем немного времени после смерти Дикки Гринлифа. Тело Дерватта не было найдено; местные рыбаки заметили, как он пошел купаться однажды утром, но не помнили, чтобы он возвращался. Друзья Дерватта – включая и Цинтию, с которой Том познакомился тогда же, – были потрясены. Том никогда не видел, чтобы чья-либо смерть так действовала на людей, даже смерть близких. Джефф, Цинтия, Эд, Бернард – все они были как в трансе. Они говорили о Дерватте с восхищением и страстью – не только как о художнике, но и как об их друге, о его человеческих качествах. Он жил в Излингтоне, очень скромно, порой впроголодь, но всегда был необыкновенно щедр. Соседские детишки обожали его и готовы были позировать ему без всякого вознаграждения, но он неизменно отыскивал у себя в карманах несколько пенсов – возможно, последних – и отдавал им. Незадолго до отъезда в Грецию Дерватту пришлось пережить большое разочарование. Он выполнил государственный заказ – расписал одну из стен почтового отделения в городишке на севере Англии. Эскиз был одобрен заказчиками, но в законченном виде фреску отвергли. Кто-то высмотрел на картине две неодетые – или полуодетые – фигуры, а Дерватт отказался подправлять работу. («И он был тысячу раз прав!» – говорили Тому близкие друзья художника.) Но это лишило его тысячи фунтов, на которые он рассчитывал. Похоже, это было последней каплей, звеном в целой цепи разочарований, глубину которых его друзья не осознавали и теперь горько раскаивались в этом. Еще была история с какой-то женщиной, смутно вспомнил Том, которая тоже обманула ожидания Дерватта, но это вроде бы было не так важно для него, как неудачи, связанные с работой. Друзья Дерватта были, как и он, профессионалами, свободными художниками по преимуществу, и свободного времени у них было мало. В те последние дни Дерватт высказывал желание повидать их – ему не деньги нужны были, а человеческое тепло, – а они отвечали, что у них нет возможности встретиться с ним. И вот, не поставив друзей в известность, он распродал всю мебель, какая была в его студии, и отправился в Грецию, откуда прислал Бернарду длинное, проникнутое безысходностью письмо. (Этого письма Том не видел.) Затем пришла весть о его исчезновении или смерти.

Первое, что сделали друзья Дерватта, включая Цинтию, – собрали все его картины и рисунки для продажи. Они хотели, чтобы его имя продолжало жить, чтобы мир узнал и оценил по достоинству то, что он сделал. Дерватт не имел родственников и, насколько помнил Том, был найденышем, так что даже о его родителях ничего не было известно. Легенда о его трагической смерти очень им помогла. Обычно владельцы галерей не интересуются живописью художников, которые умерли молодыми и не успели прославиться, но Эдмунд Банбери, свободный журналист, использовал все свои связи и таланты, для того чтобы опубликовать ряд статей о Дерватте в газетах, художественных журналах и приложениях, а Джеффри Констант проиллюстрировал их цветными снимками картин Дерватта. Спустя несколько месяцев после смерти Дерватта они нашли галерею, которая согласилась выставить его работы, – это была Бакмастерская галерея, расположенная к тому же не где-нибудь, а на Бонд-стрит. Вскоре картины Дерватта продавались уже за шестьсот – восемьсот фунтов.

Затем наступило то, что и должно было наступить. Все или почти все картины были распроданы, и именно в это время Том, вот уже два года проживавший в квартире на Итон-сквер, однажды вечером познакомился с Джеффом, Эдом и Бернардом в пабе «Солсбери». Друзья опять были в унынии, поскольку полотня Дерватта у них почти не осталось, и Том сказал тогда: «У вас так хорошо поставлено дело; просто стыдно столь бесславно кончить его. Неужели Бернард не может состряпать несколько картин в стиле Дерватта?» Том сказал это в шутку – или полшутя. Он был с ними фактически не знаком и знал только, что Бернард художник. Но Джефф, отличавшийся, как и Эд, практической хваткой (которой был начисто

лишен Бернард), обратился к художнику: «Мне это тоже приходило в голову. Что ты об этом думаешь, Бернард?» Том не помнил, что именно ответил Бернард, но помнил, что тот опустил голову, будто его охватил стыд или даже ужас при одной мысли о фальсификации Дерватта, его кумира. Несколько месяцев спустя Том встретил Эда Банбери на улице, и тот сказал ему со смехом, что Бернард изготовил-таки двух отличных «Дерваттов», а Бакмастерская галерея продала одну из картин как подлинник.

Спустя еще некоторое время, когда Том только что женился и уехал из Лондона, они с Элоизой как-то встретили Джеффа на одной из тех шумных вечеринок с коктейлями, во время которых не удается ни поговорить с хозяином, ни даже увидеть его, и Джефф оттащил Тома в сторону.

– Надо бы встретиться где-нибудь позже, – сказал Джефф. – Вот мой адрес. – Он протянул Тому карточку. – Можешь прийти часам к одиннадцати?

И вот около одиннадцати Том ускользнул из их гостиничного номера к Джеффу, что было совсем нетрудно, так как Элоиза, которая тогда и по-английски-то почти не говорила, была уже по горло сыта коктейлями и хотела только одного – спокойно уснуть. Элоиза обожала Лондон – свитеры из английской шерсти, Карнаби-стрит⁵ и магазинчики, торговавшие корзинами для бумаг с изображением «Юнион Джека»⁶, а также значками с надписями вроде «Вали отсюда», которые Тому приходилось то и дело для нее переводить. Когда же она пыталась говорить по-английски, то через час уже уверяла, что у нее болит голова.

– Проблема в том, – сказал Джефф в тот вечер, – что мы не можем больше притворяться, будто нашли где-то еще одного Дерватта. Бернард имитирует его прекрасно, но... Вот если бы мы откопали где-нибудь целое собрание неизвестных картин Дерватта... Как ты думаешь, это прошло бы? Например, в Ирландии – он там работал какое-то время. Мы продадим их и поставим на этом точку, а? Бернард не слишком-то рвется продолжать это дело. Ему кажется, что он вроде как предает Дерватта.

Подумав секунду-другую, Том предложил:

– А разве не может случиться так, что Дерватт не умер? Живет где-нибудь отшельником и посылает в Лондон свои картины. Но это, конечно, в том случае, если согласится Бернард.

– Хм... Да, пожалуй. Может быть, Греция?.. Слушай, Том, а это шикарная идея! Это же может длиться бесконечно!

– Как насчет Мексики? Это надежней, чем Греция. Можно распустить слух, что Дерватт поселился в какой-нибудь маленькой деревушке и скрывает от всех ее название – кроме разве что тебя, Эда, Цинтии...

– Цинтию исключи. Она... Бернард больше не встречается с ней. И мы, соответственно, тоже. Ну и вообще, мы не очень-то посвящали ее в эти дела.

Тогда же Джефф позвонил Эду и рассказал ему о предложении Тома.

– Это пока только общая идея, – предупредил Том. – Может быть, ничего не получится.

Но все получилось. Полотна Дерватта стали поступать из Мексики, как они говорили, а в журналах появилась волнующая история чудесного «воскрешения» Дерватта, из которой Эд Банбери и Джефф Констант постарались извлечь все возможное, проиллюстрировав ее для убедительности фотографиями самого Дерватта и написанных им (то есть Бернардом) картин. Разумеется, снимки Дерватта были сделаны *не* в Мексике, так как художник не подпускал к себе ни репортеров, ни фотографов. Картины присылались из Веракруса, а название деревушки Дерватта было неизвестно даже Джеффу с Эдом. Возможно, Дерватт уединился потому, что у него было не все в порядке с психикой. Некоторые критики писали, что его работы отражают болезненное, депрессивное состояние. Но это не мешало им котироваться на рынке выше

⁵ Карнаби-стрит – улица в Лондоне, где расположено множество магазинов модной одежды, особенно молодежной.

⁶ «Юнион Джек» (Union Jack) – государственный флаг Великобритании.

полотен подавляющего большинства художников, ныне живущих в Англии, на континенте или в Америке. Эд Банбери написал Тому во Францию, предложив десять процентов комиссионных, поскольку теперь только трое наиболее близких друзей художника – Бернард, Джефф и Эд – получали доход от продажи картин. Том согласился – не в последнюю очередь потому, что рассматривал это – то есть свое согласие – как гарантию, что он их не выдаст. Между тем Бернард Тафтс выпускал все новые и новые работы с адской скоростью.

Джефф с Эдом купили Бакмастерскую галерею. Том подозревал, что Бернарда они в долю не взяли. Несколько работ Дерватта входило в постоянную коллекцию галереи – наряду с картинами других художников, разумеется. Этим занимался в первую очередь Джефф, и он нанял помощника, что-то вроде хранителя галереи. Но этот шаг, покупка галереи, был сделан лишь после того, как к Джеффу и Эду обратился некий фабрикант художественных материалов, которого звали, кажется, Георге Янополос или что-то вроде того. Он хотел начать выпуск широкого ассортимента товаров под маркой «Дерватт» – от резинок для стирания карандаша до наборов масляных красок. Дерватту он предложил лицензионную плату в размере одного процента от продаж. Эд и Джефф от имени Дерватта (и, понятно, с его согласия) приняли предложение. Так было положено начало компании, получившей название «Дерватт лимитед».

Все это вспомнилось Тому в его гостиной в четыре часа утра. Он слегка замерз, хоть и был в своем роскошном халате. Бережливая мадам Аннет всегда выключала отопление по ночам. Он обнимал ладонями чашку холодного чая и смотрел невидящим взором на фотографию Элоизы – длинные белокурые волосы, обрамлявшие чуть худощавое лицо, которое Том в данный момент воспринимал скорее просто как некое милое и ничего не значащее пятно. А думал он в это время о Бернарде, который втайне корпел над очередной фальшивкой, закрывшись от всего света в своей однокомнатной квартирке. Жилье Бернарда всегда выглядело крайне убого. Том никогда не бывал в святой святых, где Бернард писал свои дерваттовские шедевры, приносящие тысячные прибыли. Интересно: если художник пишет больше подделок, чем собственных картин, не станут ли подделки более естественными, более реальными и более подлинными, чем его собственные работы, – даже для него самого? Может быть, в конце концов создание фальшивок будет осуществляться без всякого усилия с его стороны, как выражение его второй натуры?

Наконец Том, скинув шлепанцы и подобрав ноги под халат, свернулся на желтом диване и уснул. Но проспал он недолго – явилась мадам Аннет и, не сдержав удивленного возгласа, разбудила его.

– Вот, читал, читал – и уснул, – сказал Том с улыбкой, спуская ноги с дивана.

Мадам Аннет побежала заваривать ему кофе.

2

Том заказал билет на самолет, вылетающий в двенадцать ноль-ноль во вторник. На то, чтобы загримироваться и вникнуть в курс дела, у него будет два часа. За это время он не успеет слишком разнервничаться. Том завел машину и направился в Мелён, чтобы снять со своего счета в банке некоторую сумму – во франках.

К банку он подъехал в одиннадцать сорок, а в двенадцать начинался обед. Том был третьим в очереди у кассы, но женщина у окошка сдавала целую кучу собранных где-то взносов или бог знает чего, передавая кассиру мешки с мелкими деньгами и плотно зажав ногами другие мешки, еще стоявшие на полу. Кассир же за решеткой, все время смачивая палец, торопливо отсчитывал пачки банкнот и заносил отсчитанные суммы в две разные ведомости. Стрелки приближались к двенадцати, а сколько времени все это могло еще продлиться, было неизвестно. Внутренне забавляясь, Том наблюдал, как очередь распалась, и трое мужчин и две женщины, прижавшись лицом к решетке, тупо уставились, словно загипнотизированные змеи, на кучу денег, как будто она была оставлена им в наследство неким родственником, копившим эти деньги всю свою жизнь. Том махнул на это дело рукой и вышел из банка. Он обойдется и без наличных; он и взять-то их хотел только для того, чтобы раздать своим английским знакомым на случай их поездки во Францию.

Во вторник утром, когда Том укладывал дорожную сумку, мадам Аннет постучала в дверь его спальни.

– Улетаю в Мюнхен, – произнес Том бодрым тоном, – на концерт.

– О, Мюнхен! Бавария! Вам нужно потеплее одеться. – Мадам Аннет привыкла к его импровизированным отъездам. – И надолго, мсье Тоом?

– Дня на два, на три. Насчет почты не беспокойтесь. Я позвоню вам и справлюсь насчет нее.

Тут Том вспомнил об одной вещи, которая могла оказаться очень кстати, – мексиканском кольце, хранившемся, если он не ошибался, в шкатулке с запонками. Да, оно было здесь, среди пуговиц и запонок, тяжелое серебряное кольцо в виде двух свернувшихся змей. Он не любил кольцо и забыл, откуда оно взялось, но оно было мексиканским. Том подул на него, потер о штанину и сунул в карман.

В десять тридцать прибыла почта – три конверта. В одном, пухлом, была целая пачка телефонных счетов, выписанных отдельно за каждый междугородний разговор; вторым было письмо от Элоизы, а третий, пришедший авиапочтой из Америки, был надписан почерком, Тому незнакомым. На обратной стороне конверта он с удивлением увидел имя Кристофера Гринлифа и адрес в Сан-Франциско. Кто такой Кристофер? Но сначала он вскрыл письмо Элоизы.

«11 octobre 19..

Chéri!⁷

Я счастлива и очень спокойная теперь. Очень хорошие трапезы. Мы ловим рыб на яхте. Зеппо шлет свою любовь. [Зеппо был смуглым греком, у которого она гостила, и Том с удовольствием сказал бы ему, куда он может идти со своей любовью.]

Я учусь лучше залезать на велосипед. Мы сделали много странствий на землю, которая очень сухая. Зеппо делает фотографии. Как идет все в Бель-Омбр? Я скучаю без тебя. Ты счастлив? Много приглашений? [Что имеется в

⁷ Любимый (фр.).

виду? Много ли у него гостей или часто ли он сам ходит?] Ты рисуешь? Я не получила ничего от Рара.

Поцелуй мадам А., я тебя обнимаю».

Продолжение было на французском. Она хотела, чтобы он выслал ей красный купальник, который он найдет в маленьком шкафчике у нее в ванной. Пусть он пошлет его авиапочтой. На яхте есть бассейн с подогревом. Том сразу поднялся наверх, где мадам Аннет еще убирала его комнату, и перепоручил это дело ей, дав стофранковую банкноту, так как боялся, что стоимость авиапосылки шокирует ее до такой степени, что она решит отправить купальник обычной почтой.

Спустившись, он поспешно распечатал письмо от Гринлифа – через несколько минут пора уже было ехать в Орли.

«12 окт. 19..

Дорогой м-р Рипли!

Я двоюродный брат Дикки и приезжаю в Европу на следующей неделе. Возможно, сначала поеду в Лондон, хотя никак не могу решить – может быть, сначала поехать в Париж. Как бы то ни было, я подумал, что было бы неплохо, если бы мы могли встретиться. Ваш адрес дал мне дядя Герберт, и он говорит, что Вы живете недалеко от Парижа. У меня нет номера Вашего телефона, но я могу разузнать его.

Немного о себе. Мне двадцать, я учусь в Стэнфордском университете на политехническом. У меня был годичный перерыв в учебе, так как я был на военной службе. Я вернусь в Стэнфорд продолжить обучение, но сначала хочу годик отдохнуть и повидать Европу. Сейчас многие ребята так делают. Жизнь очень напряженная. В Америке, я хочу сказать, – хотя, может быть, Вы так долго прожили в Европе, что даже не понимаете, что я имею в виду.

Дядя очень много рассказывал мне о Вас. Он говорит, что Вы с Дикки были большими друзьями. Я видел Дикки, когда мне было одиннадцать лет, а ему двадцать один год. Помню, он был высоким блондином. Он заезжал к нам в Калифорнию.

Пожалуйста, сообщите мне, будете ли Вы в Вильперсе в конце октября или начале ноября. Надеюсь встретиться с Вами.

Искренне Ваш,

Крис Гринлиф».

От этой встречи надо под каким-нибудь предлогом уклониться, подумал Том. Тесные контакты с семейством Гринлиф ни к чему. Раз в сто лет Герберт Гринлиф писал ему, и Том неизменно отвечал в самом любезном тоне.

– Мадам Аннет, оставляю вас поддерживать огонь в домашнем очаге, – произнес он английскую поговорку на прощание.

– Как вы сказали?

Он постарался, как мог, перевести ей это на французский.

– *Au revoir, M. Tome! Bon voyage!*⁸ – Мадам Аннет помахала ему рукой, стоя в дверях.

Том взял красную «альфу-ромео», один из двух автомобилей, стоявших в гараже. В Орли он оставил машину на стоянке, сказав, что вернется за ней дня через два или три. Купил в аэропорту виски для «шайки». У него уже была припрятана большая бутылка перно в чемодане. В Лондон разрешалось провозить не больше одной бутылки, но Том знал по опыту, что если он открыто предъявит одну таможеннику, тот не станет рыться в чемодане. У стюардессы

⁸ До свидания, мсье Том! Счастливого пути! (*фр.*)

он приобрел также несколько пачек «Голуаз» без фильтра, которые пользовались в Лондоне большой популярностью.

В Лондоне шел мелкий дождь. Автобус полз по левой стороне дороги мимо частных особнячков, чьи названия всегда забавляли Тома, хотя сейчас он едва различал их в полумраке. «БАЙД-Э-ВИ». Это же надо придумать. «МИЛФОРД ХЕЙВЕН». «ДАН ВОНДЕРИН». Названия были написаны на небольших табличках. «ИНГЛНУК». «СИТ-ЙЕ-ДУН». Господи помилуй. Затем цепочка притиснутых друг к другу викторианских домов, преобразованных в маленькие отели с громкими названиями, составленными из неоновых трубок между дорическими колоннами входа: «МАНЧЕСТЕР АРМЗ», «КИНГ АЛФРЕД», «ЧЕШИР-ХАУС»⁹. Том знал, что эти респектабельные заведения с узкими вестибюлями часто служат надежным убежищем для известнейших убийц, которые и сами выглядят не менее респектабельно. Англия есть Англия. Боже, храни ее.

Затем внимание Тома привлек плакат на левой стороне дороги. «ДЕРВАТТ» – было написано черными буквами, четким почерком, постепенно соскальзывающим вниз, – подпись художника. Тут же была воспроизведена в цвете одна из его картин, выглядевшая при слабом освещении темно-бордовой или даже черной и изображавшая нечто похожее на поднятую крышку рояля. Новая фальшивка кисти Бернарда Тафтса, разумеется. Через несколько ярдов висел еще один такой же плакат. Было даже немного странно прибывать в Лондон так тихо и незаметно, в то время как тебя так громко рекламируют по всему городу. Никто не обратил на Тома внимания, когда он сошел с автобуса на конечной станции в Западном Кенсингтоне.

С автовокзала Том позвонил в студию Джеффа Константа. Подошел Эд Банбери.

– Хватай такси и двигай сюда! – Эд был сам не свой от радости.

Студия Джеффа находилась в квартале Сент-Джонс-Вуд. Второй этаж, налево. Это было пристойное и опрятное маленькое здание, не слишком шикарное, но и не убогое.

Эд распахнул дверь.

– Черт возьми, Том! Как я рад тебя видеть!

Они обменялись крепким рукопожатием. Эд был выше Тома, его редкие белокурые волосы постоянно спадали ему на уши, и он то и дело отпихивал их назад. Ему было что-то около тридцати пяти.

– А где Джефф? – Том вытащил из красной сетки сигареты и бутылку виски, а из чемодана – контрабандное перно. – Это для всей честной компании.

– О, великолепно. Джефф в галерее. Том, слушай, ты не передумал? Все необходимое у меня здесь, а времени осталось совсем немного.

– Раз уж приехал, то рискну.

– Должен прийти Бернард. Он поможет. Расскажет о Дерватте. – Эд с беспокойством взглянул на часы.

Том снял плащ и пиджак.

– Дерватт ведь не обязан быть там с самого начала? Выставка открывается в пять?

– О, разумеется. Раньше шести нам ни к чему появляться... Я все-таки беспокоюсь насчет грима. Джефф велел еще передать тебе, что ты чуть ниже Дерватта, – но кто помнит такие детали, даже если я когда-нибудь и приводил их в своей статье? У Дерватта были серо-голубые глаза. Но и твои сойдут. – Эд рассмеялся. – Хочешь чая?

– Нет, спасибо. – Том поглядел на темно-синий костюм, разложенный на кушетке Джеффа. На вид он был слишком велик и к тому же плохо выглажен. На полу стояла пара кошмарных черных туфель.

⁹ Vide-a-wee – «Задержитесь ненадолго» (англ. – *шотл.*); Milford Haven – Милфордская гавань; Dun Wandering – странствующая лошадь (или кредитор); Inglenook – местечко у камина; Sit-Ye-Doon – *букв.*: сидение на Дуне (Дун – река в Шотландии), созвучно с sit you down – присаживайтесь; Manchester Arms – манчестерский герб; King Alfred – король Альфред; Cheshire House – чеширский дом (Чешир – одно из графств в Англии).

– Почему бы тебе не выпить? – спросил Том Эда, который, он видел, был как на иголках. Если кто-нибудь нервничал рядом с Томом, это обычно действовало на него успокаивающе.

В дверях прозвенел звонок.

Эд впустил Бернарда Тафтса.

– Бернард, как поживаешь? – спросил Том, протягивая руку.

– Спасибо, хорошо, – ответил Бернард несчастным тоном. Он был худ, с оливковым оттенком кожи, прямыми черными волосами и темными бархатными глазами.

Том решил, что в данный момент не стоит слишком много болтать с Бернардом, лучше поддерживать деловую атмосферу.

В крошечной, но вполне современной ванной Джеффа Эд налил в таз воды и принялся обрабатывать волосы Тома оттеночным шампунем, чтобы они выглядели темнее. Бернард стал рассказывать о Дерватте – правда, лишь после того, как Эд сначала намекнул ему, а потом настойчиво повторил, что пора уже начинать.

– Ходил он слегка сутулясь, – сказал Бернард. – Голос... Он был немного стеснителен и говорил, пожалуй, довольно монотонно. Ну, примерно вот так, если только у меня получается похоже, – произнес Бернард бесцветным голосом. – Время от времени он посмеивался.

– Кто ж этого не делает, – отозвался Том и сам нервно рассмеялся. Теперь он сидел на стуле с прямой спинкой, а Эд его причесывал. Справа от Тома на подносе лежало нечто похожее на кучку волос, вроде тех, что сметают в парикмахерской после стрижки, но Эд взял это в руки, встряхнул, и оно оказалось бородой, прикрепленной к тонкой и плотной марле телесного цвета.

– Господи помилуй! – воскликнул Том. – Надеюсь, там будет не слишком яркое освещение.

– Мы за этим проследим, – заверил Эд.

Пока Эд трудился над усами, Том снял два своих кольца – одно обручальное и другое Дикки Гринлифа – и сунул их в карман. Он попросил Бернарда подать ему из кармана его брьюк мексиканский перстень. Тонкие пальцы Бернарда были холодными и дрожали. Том хотел спросить его, как дела у Цинтии, но вспомнил, что Бернард с ней больше не встречается. А ведь они хотели пожениться. Эд щелкал ножницами вокруг его головы, стараясь смастерить вихор спереди.

– И еще Дерватт... – начал Бернард, но голос его дрогнул.

– Ладно, Бернард, хватит, помолчи! – бросил Эд и рассмеялся чуть истерически.

Бернард усмехнулся тоже.

– Простите... Нет, правда, прошу меня извинить. – В голосе его звучало искреннее сожаление.

Борода с помощью клея встала на место.

– Я хочу, чтобы ты немного походил, Том, пообвыкся, – сказал Эд. – В галерее... Мы решили, что тебе не стоит заходить вместе со всей толпой. Там сзади есть служебный вход – Джефф нас впустит. Мы пригласим нескольких журналистов к себе в офис, где будет только один торшер в другом конце комнаты. Лампочки из люстры и бра мы выкрутили, так что они просто *не смогут* их зажечь.

Приклеенная борода холодила лицо. Посмотрев на себя в зеркало ванной, Том решил, что он похож на Д. Г. Лоуренса. Вокруг рта он чувствовал волосы. Это ощущение ему не нравилось. На маленькой полочке под зеркалом стояли три фотографии Дерватта: Дерватт в рубашке без пиджака читает книгу в шезлонге; стоит рядом с каким-то незнакомым Тому человеком; глядит прямо в объектив. На всех трех снимках Дерватт был в очках.

– Очки, – сказал Эд, будто прочитав его мысли.

Том взял у Эда очки с круглыми стеклами и надел их. Сразу стало лучше. Том осторожно улыбнулся, чтобы не повредить еще не присохшую бороду. Стекла в очках были простые. Том, ссутулившись, вышел обратно в комнату и произнес, как он надеялся, голосом Дерватта:

– Теперь расскажите мне об этом Мёрчисоне...

– Ниже! – замахал Берnard своими костлявыми руками. – Более глухо!

– Об этом мерзком Мёрчисоне, – повторил Том.

– По словам Джеффа, М-мёрчисон думает, что Дерватт вернулся к своей старой технике, – сказал Берnard. – В той картине, что он купил, «Часы». Если честно, я не совсем понимаю, что он имеет в виду. – Берnard потряс головой, вытащил откуда-то платок и громко высморкался. – Я только что посмотрел один из сделанных Джеффом снимков этих «Часов». Я ведь не видел их уже года три. Саму картину то есть. – Берnard говорил вполголоса, как будто кто-то мог их подслушать.

– Этот Мёрчисон – эксперт? – спросил Том, думая, можно ли точно определить, что такое эксперт.

– Да нет, просто бизнесмен из Америки, – ответил Эд. – Собирает картины. Пунктик у него такой.

Вряд ли все это так просто, подумал Том. Иначе с чего бы им всем так нервничать?

– Мне нужно знать что-нибудь специфическое? – спросил он.

– Вроде бы нет, – отозвался Эд. – А ты как считаешь, Берnard?

Берnard открыл рот, чуть не задохнулся, хотел рассмеяться, и на какой-то момент стал похож на того молодого, наивного Берnarда, каким был раньше. Том только сейчас обратил внимание на то, как Берnard похудел со времени их последней встречи два или три года назад.

– Ах, если б я знал! – воскликнул Берnard. – Главное, ты должен твердо стоять на том, что эта картина – «Часы» – написана Дерваттом.

– Положись на меня, – отозвался Том. Он расхаживал по комнате, привыкая сутулиться, вырабатывая замедленный ритм. Он надеялся, что делает это правильно.

– Но я боюсь, – продолжал Берnard, – что Мёрчисон захочет разобраться с техникой – что бы он под этим ни подразумевал – и посмотреть, например, твоего «Человека в кресле», Том. Да, это тоже подделка.

– Он его не увидит, – сказал Том. – Я, кстати, очень люблю эту картину.

– Или «Ванну», – добавил Берnard. – Она тоже выставлена.

– Ты в ней не уверен? – спросил Том.

– Да, не очень. Там та же техника.

– Так, значит, вы знаете, о какой технике идет речь? Почему же тогда вы не снимете эту «Ванну», если она так сомнительна?

– Она включена в каталог, – объяснил Эд. – Мы боялись снимать ее – вдруг Мёрчисону захочется ее посмотреть, и он станет спрашивать, кто ее купил, и так далее...

Разговор зашел в тупик, потому что они не могли толком объяснить Тому, что именно Мёрчисон или они сами подразумевают под «техникой» в данном случае.

– Тебе-то что волноваться, – обратился Эд к Берnardу. – Ты с Мёрчисоном не встретишься.

– А ты видел его? – спросил Том Эда.

– Нет. Только Джефф видел, сегодня утром.

– Что он собой представляет?

– Джефф сказал, типичный крупный американец, лет пятидесяти. Вежлив, но упрям. Тебе надо подтянуть ремень.

Том подтянул брючный ремень и понюхал рукав пиджака. От него исходил слабый запах нафталина. В прокуренном помещении его, возможно, никто не учует. И потом, Дерватт ведь мог носить мексиканскую одежду все последние годы, а европейскую держать где-нибудь в

сундуке. Том посмотрел на себя в большое зеркало, над которым Эд зажег один из ярких прожекторов Джеффа, и вдруг сложился пополам от смеха. Повернувшись к ним, он сказал:

– Прошу прощения, я просто подумал, что при таких фантастических заработках у Дерватта точно должен быть пунктик насчет приверженности старой одежде.

– Ну, он же затворник, – ответил Эд.

Зазвонил телефон. Эд снял трубку, и Том услышал, как он заверяет кого-то – Джеффа, конечно, – что Том здесь и готов ехать в галерею.

Но Том еще не чувствовал себя вполне готовым. Он чуть вспотел от волнения.

– А как поживает Цинтия? – спросил он Бернарда, стараясь произнести это жизнерадостным тоном. – Ты видишься с ней?

– Нет, я больше не встречаюсь с ней. Почти не встречаюсь. – Бернард искоса взглянул на Тома, затем опять уставился в пол.

– А что она скажет, когда узнает, что Дерватт приехал в Лондон на несколько дней?

– Думаю, ничего не скажет, – ответил Бернард хмуро. – Она не... С ней не будет проблем, не волнуйся.

Эд закончил телефонный разговор.

– Цинтия не станет ничего говорить, Том. Это не в ее духе. Ты ведь помнишь ее, Том?

– Ну так, в общих чертах.

– Если она ничего не сказала до сих пор, то и дальше не скажет, – добавил Эд. Он произнес это так, будто имел в виду: «Она не болтушка; наш человек».

– Она удивительная, – сказал Бернард мечтательным тоном, ни к кому не обращаясь.

Неожиданно он вскочил и ринулся в ванную. То ли ему понадобилось в туалет, то ли он почувствовал, что его вырвет.

– Не беспокойся по поводу Цинтии, Том, – сказал Эд мягко. – Мы ведь живем с ней здесь – в смысле, в Лондоне. Она года три уже ведет себя тихо. С тех пор, как порвала с Бернардом. Или он порвал с ней.

– Она счастлива? У нее кто-нибудь есть?

– О, да, она вроде бы нашла себе приятеля.

Вернулся Бернард. Том налил себе скотч, Бернард выбрал перно, а Эд не стал пить ничего. Он сказал, что боится, так как принял успокоительное. К пяти часам Том выяснил или обновил в памяти кое-какие подробности, в том числе о греческом городе, где Дерватта видели в последний раз почти шесть лет назад. Если Тома спросят, он должен сказать, что покинул Грецию под чужим именем, устроившись смазчиком и маляром на греческий танкер, направлявшийся в Веракрус.

Пальто они позаимствовали у Бернарда: оно было более старым, чем плащ Тома или что-либо из гардероба Джеффа. Том с Эдом отправились в галерею, оставив Бернарда в студии, куда все они должны были вернуться.

– Господи, он как в воду опущенный, – сказал Том, когда они вышли на улицу. Он шагал тяжело, как бы с трудом. – Надолго ли его хватит?

– Не суди по сегодняшнему дню. Он всегда сам не свой во время выставок. Он вытянет.

Ну да, Бернард – рабочая лошадка, подумал Том. В то время как Эд и Джефф процветали и наслаждались жизнью, Бернард всего лишь писал картины, которые давали им эту возможность.

Том резко дернулся в сторону от автомобиля, забыв, что тут ездят по левой стороне дороги.

– Великолепно, – улыбнулся Эд. – Так и продолжай.

Они дошли до стоянки и сели в такси.

– А этот... смотритель галереи... – как его зовут? – спросил Том.

– Леонард Хейуорд. Двадцать шесть лет. Гомик с головы до пят, пасется в магазине женской одежды на Кингз-роуд. Но он в порядке. Мы с Джеффом посвятили его в наши дела. Пришлось. Так спокойнее – он не станет возникать или шантажировать нас, после того как подписал договор, что будет присматривать за галереей. Мы платим ему неплохо, и все это его развлекает. К тому же он иногда добывает для нас выгодных покупателей. – Эд посмотрел на Тома и улыбнулся. – Не забывай подпускать побольше просторечий. Я помню, у тебя это хорошо получается.

3

Эд Банбери позвонил у небольшой темно-красной двери с задней стороны здания. Том услышал, как в замке поворачивается ключ, и дверь открылась. На пороге стоял улыбающийся во весь рот Джефф.

– Том! Это потрясающе! – прошептал он.

Они прошли по короткому коридору и оказались в уютном офисе, где был письменный стол с машинкой, книги и ковер кремового цвета, покрывавший весь пол от стены до стены. К стенам были прислонены картины и папки с рисунками.

– Просто не могу тебе передать, как классно ты выглядишь, – вылитый Дерватт! – воскликнул Джефф, хлопнув Тома по плечу. – Надеюсь, борода у тебя от этого не отвалится.

– Даже ураган ее не оторвет, – усмехнулся Эд.

Джефф Констант пополнел, цвет лица у него был здоровый, хотя, возможно, это объяснялось искусственным загаром. Его синий в черную полоску костюм был с иголки, манжеты украшали квадратные золотые запонки. Том заметил небольшую накладку у него на макушке, где, Том знал, должна была образоваться уже немалая лысина. Через закрытую дверь, ведущую в галерею, доносился глухой гул толпы, из которого вдруг взмыл вверх женский смех. Словно выпрыгнувший из волны дельфин, подумалось Тому. Впрочем, сейчас было не до поэтических метафор.

– Шесть часов, – объявил Джефф, поглядев на часы и блеснув золотой запонкой. – Я сейчас шепну кое-кому из пишущей братии, что Дерватт приехал. Поскольку это все-таки Англия, то надеюсь, не будет...

– В Англии? Чего-то не будет? – сострил Эд.

– ...не будет столпотворения, – закончил Джефф. – Я за этим прослежу.

– Садись, – предложил Тому Эд, указав на стул возле развернутого углом письменного стола. – Или стой, если предпочитаешь.

– Этот... Мёрчисон здесь? – спросил Том.

Улыбка, приклеившаяся к лицу Джеффа, стала еще шире и напряженнее.

– Да, конечно. Ты еще увидишься с ним, но после прессы. – Джефф явно нервничал и хотел добавить еще что-то, но передумал и вышел из комнаты, заперев за собой дверь на ключ.

– Вода есть где-нибудь? – спросил Том.

Эд показал ему маленькую ванную, спрятанную за раздвижной секцией книжного стеллажа. Том поспешно глотнул воды, а когда вернулся в комнату, два представителя прессы уже входили туда вместе с Джеффом. Лица их застыли от любопытства и удивления, и выражение на них было почти одинаковым, хотя одному из репортеров было за пятьдесят, а другому меньше тридцати.

– Разрешите представить вам мистера Гардинера из «Телеграфа», – сказал Джефф. – Дерватт. А это мистер...

– Перкинс, – произнес молодой. – «Санди таймс».

Не успели они обменяться рукопожатием, как в дверь постучали. Том прошел, сутулясь, к столу, почти как ревматик. Единственная лампа находилась у дверей в галерею, футах в десяти от него. Но Том заметил, что у Перкинса была с собой вспышка.

Джефф впустил еще четырех мужчин и женщину. Пуще всего в данной ситуации Том боялся женских глаз. Ее представили как мисс Элинор Таковую-то из «Манчестер как-то там».

И сразу со всех сторон посыпались вопросы. Хотя Джефф и предложил задавать их по очереди, никто не обратил на его просьбу внимания, каждому хотелось выяснить все, что его интересовало.

– Вы собираетесь прожить в Мексике всю жизнь, мистер Дерватт?

– Мистер Дерватт, для нас это настоящий сюрприз. Что побудило вас приехать в Лондон?
– Без «мистера», пожалуйста, – произнес Том сварливо. – Просто Дерватт.
– Вы удовлетворены своими последними работами? Считаете ли вы, что они лучше прежних?

– Дерватт, вы живете в Мексике один? – спросила Элинон Такая-то.

– Да, один.

– Вы не скажете, как называется ваша деревня?

Вошло еще трое мужчин, Том услышал, как Джефф велел кому-то подождать за дверьми.

– Что я вам точно не скажу, так это название своей деревни, – медленно произнес Том. – Это было бы неблагодарностью по отношению к ее жителям.

– Дерватт, а что... Ой!

– Дерватт, некоторые из критиков говорят...

Кто-то барабанил кулаками в дверь.

Джефф постучал кулаком с этой стороны и крикнул:

– Пожалуйста, успокойтесь! Позже!

– Некоторые из критиков...

Дверь стала трещать, и Джефф подпер ее плечом. Увидев, что дверь не поддается, Том обратил невозмутимый взор на спрашивающего.

– Критики говорят, что ваши картины напоминают тот период Пикассо, когда он увлекся кубизмом и стал расчленять лица и формы.

– У меня нет периодов, – сказал Том. – У Пикассо – есть. И поэтому на него невозможно навесить ярлык, если бы кому-нибудь вдруг захотелось. Нельзя сказать «Я люблю Пикассо», потому что он многолик. Пикассо играет. Пускай. Но, играя, он разрушает то, что могло бы сделать его... истинной и цельной личностью. Вы можете сказать, *кто* такой Пикассо – как личность?

Репортеры усердно строчили.

– Какая картина из тех, что здесь выставлены, ваша любимая? Вы можете назвать какую-нибудь?

– У меня нет... Нет, я не могу выбрать какую-то одну картину и сказать, что она любимая. Спасибо. – (Интересно, Дерватт курил? А, какая разница?) Том достал «Крейвен-Эй» Джеффа и прикурил от лежавшей на столе зажигалки, прежде чем два репортера успели подскочить со своими. Он чуть подался назад, боясь, как бы их пламя не подпалило ему бороду. – Возможно, кое-какие из моих старых работ можно назвать любимыми. «Красные стулья», например, или «Падающая женщина». Увы, они проданы. – Это название вдруг всплыло откуда-то в памяти Тома в последний момент. Такая картина действительно существовала.

– А где она? – спросил кто-то. – Я не видел ее, но название знакомое.

Том стыдливо потупился, как мог бы это сделать затворник, и не сводил глаз с блокнота на столе Джеффа.

– Я не помню. «Падающая женщина». Кажется, продана какому-то американцу.

Репортеры снова кинулись в атаку.

– Вы довольны тем, как продаются ваши картины, Дерватт?

(Еще бы ему не быть довольным!)

– А Мексика вас разве не вдохновляет? Я обратил внимание, что на выставке нет картин, где она была бы изображена.

(Некоторая неувязка. Действительно, странно. Но Том быстро справился с этим. Источником вдохновения ему служит воображение.)

– Дерватт, не могли бы вы хотя бы описать дом, в котором живете? – попросила Элинон.

(Это сколько угодно. Одноэтажный дом, четыре комнаты. Перед входом растет банан. Каждое утро в десять часов приходит девушка, чтобы сделать уборку. В полдень она отправля-

ется в магазин и приносит ему свежее испеченных черепах, которых он ест за ланчем с красной фасолью. Да, с мясом бывают перебои, но иногда забивают коз. Имя девушки? Хуана.)

– Местные зовут вас Дерватт?

– Сначала звали, но произносили имя очень своеобразно. Теперь обращаются просто «дон Филипо», – этого вполне достаточно.

– Они не знают, что вы *тот самый* Дерватт?

Том опять усмехнулся:

– Вряд ли они читают «Таймс», или «Артс ревью», или что-нибудь подобное.

– Вы не скучаете по Лондону? Каким он вам показался?

– Это была просто прихоть с вашей стороны – вдруг взять и приехать сюда? – спросил молодой Перкинс.

– Да, просто прихоть. – Том улыбнулся мудрой усталой улыбкой человека, в течение долгих лет в одиночестве созерцавшего голые мексиканские утесы.

– Вы никогда не бываете в Европе – инкогнито? Я знаю, вы любите уединение...

– Дерватт, я был бы очень вам благодарен, если бы вы завтра уделите мне десять минут.

Вы не скажете, где вы...

– Сожалею, но я еще не решил, где остановлюсь, – сказал Том.

Джефф стал вежливо выпроваживать репортеров, замелькали вспышки. По просьбе фотографов Том посмотрел вниз, вбок, потом наверх. Джефф открыл дверь официанту в белом пиджаке, внесшему поднос с напитками. Поднос вмиг опустел.

Том застенчиво и грациозно приподнял руку в прощальном приветствии.

– Благодарю вас всех.

– Нет-нет, пресс-конференция окончена, – проговорил Джефф у дверей.

– Но я...

– Ах, мистер Мёрчисон! Пожалуйста, входите. – Джефф повернулся к Тому:

– Это мистер Мёрчисон, Дерватт. Он из Америки.

Мёрчисон был крупным человеком с располагающей физиономией.

– Здравствуйтесь, мистер Дерватт! – произнес он, улыбаясь. – Какой приятный сюрприз – встретиться с вами в Лондоне.

Они пожали друг другу руки.

– Здравствуйтесь, – ответил Том.

– А это Эдмунд Банбери, – продолжал представлять Джефф. – Мистер Мёрчисон.

Эд и мистер Мёрчисон обменялись приветствиями.

– У меня есть одна из ваших картин, «Часы», – сказал Мёрчисон. – Я ее даже принес с собой.

Он широко улыбался, глядя на Тома с уважительным восхищением. Том надеялся, что удивление от столь неожиданной встречи помешает Мёрчисону вглядываться в его лицо слишком пристально.

– Вот как? – произнес он.

Джефф опять запер дверь.

– Присаживайтесь, мистер Мёрчисон, – сказал он.

– Спасибо. – Мёрчисон сел на стул с прямой спинкой.

Джефф начал не торопясь собирать пустые бокалы со стола и книжных полок.

– Я не буду ходить вокруг да около, мистер Дерватт. Я... меня заинтересовало определенное изменение в технике, которое я заметил в ваших «Часах». Вы помните эту картину, конечно?

(Что это? Ничего не значащая разговорная фраза или отнюдь не случайный вопрос?)

– Конечно, – ответил Том.

– Вы можете описать ее?

Том все еще стоял. Его пробрал озноб. Он улыбнулся:

– Чего не умею, так это описывать свои работы. Меня не удивило бы, если бы на картине не оказалось никаких часов. Может быть, вы не знаете, мистер Мёрчисон, но я не всегда сам придумываю названия своих картин. – Том бросил взгляд на каталог с наименованиями выставленных в зале работ, который Джефф или кто-то другой предусмотрительно раскрыл на лежащем на столе блокноте. – А потом приходится удивляться, каким образом на твоей картине мог кому-то привидеться, например, «Воскресный полдень». Это ты постарался, Джефф?

– Нет, – рассмеялся Джефф. – Наверное, идея Эда. Вы не хотите чего-нибудь выпить, мистер Мёрчисон? Я могу принести из бара.

– Нет, благодарю, ничего не надо. – Мёрчисон опять обратился к Тому: – На картине синевато-черные часы, которые держит... – Может быть, вы помните? – Он улыбнулся, как будто загадывал какую-нибудь невинную загадку.

– Я думаю, маленькая девочка. И она смотрит, так сказать, на зрителя.

– Хм... Верно, – сказал Мёрчисон. – Но ведь маленьких мальчиков вы и не рисуете, не так ли?

Том усмехнулся, довольный, что угадал.

– Да, предпочитаю девочек.

Мёрчисон закурил «Честерфилд». У него были карие глаза, светло-каштановые вьющиеся волосы и крепкий подбородок, чуть полноватый, как и все тело.

– Я хотел бы, чтобы вы взглянули на мою картину, – сказал он. – Я потом объясню почему. Простите, я выйду на минуту, мне надо сходить за ней в гардероб.

Джефф выпустил его и снова запер дверь.

Джефф и Том смотрели друг на друга; Эд молча стоял, прислонившись к стеллажу.

– Эх вы! – прошептал Том. – Нет чтобы выкрасть этот чертов холст из гардеробной и сжечь его где-нибудь потихоньку.

– Ха-ха! – выдал нервный смешок Эд.

Улыбка на полном лице Джеффа получилась кривой, однако он продолжал изображать невозмутимое достоинство, как будто Мёрчисон еще был с ними в комнате.

– Так-так, послушаем, что он скажет, – медленно произнес Том уверенным дерваттовским тоном. Он хотел одним взмахом рук выпростать манжеты из рукавов, но это у него не получилось.

Вернулся Мёрчисон, держа под мышкой завернутый в упаковочную бумагу холст. Это была картина средних размеров – фута два на три.

– Я заплатил за нее десять тысяч, – сказал он, улыбаясь. – Вы можете, конечно, сказать, что оставлять ее в гардеробе – это верх беспечности, но я привык доверять людям. – Он разрезал бечевку перочинным ножом. – Вы знаете эту картину? – спросил он Тома.

Том посмотрел на картину и улыбнулся.

– Да, конечно.

– Вы помните, что писали ее?

– Это моя картина, – сказал Том.

– Меня интересует вот этот фиолетовый оттенок. Это чистый кобальт фиолетовый, – вам это, без сомнения, известно лучше меня. – Улыбка Мёрчисона на миг стала почти извиняющейся. – Картине не меньше трех лет, так как я купил ее три года назад. Но, если я не ошибаюсь, вы уже пять или шесть лет употребляете вместо чистого кобальта смесь красного кадмия с ультрамарином. Конечно, когда именно произошло это изменение, я сказать не могу.

Том молчал. На картине, принадлежащей Мёрчисону, часы были черно-фиолетовыми. Манера нанесения краски и цветовая гамма были примерно такими же, как у «Человека в кресле», написанного Бернардом и висевшего в Бель-Омбр. Том не понимал, что именно не

устраивает Мёрчисона с этим фиолетовым цветом. Девочка в розово-зеленом платье держала часы – или, точнее, положила на них руку, так как часы были большими и стояли на столе.

– По правде говоря, я не помню, – сказал Том. – Возможно, я действительно использовал здесь чистый кобальт.

– И в картине под названием «Ванна», которая там висит, – Мёрчисон кивнул в сторону выставочного зала. – Но только в этих двух. Мне это представляется странным. Художник обычно не возвращается к технике, от которой он отказался. Сочетание кадмия с ультрамарином – то, к чему вы перешли позже, – гораздо интереснее, по-моему.

Тома все это не особенно волновало, он не видел в этом ничего угрожающего. Может быть, зря? Он пожал плечами.

Джефф, собрав грязные бокалы и пепельницы, прошел в ванную и возился там с ними.

– Когда вы написали «Часы»? – спросил Мёрчисон.

– Боюсь, этого я тоже не могу сказать, – ответил Том искренним тоном. Он понял, к чему клонит Мёрчисон, – по крайней мере, что касается даты создания картины, – и добавил: – Возможно, лет пять назад. Это старая картина.

– Мне ее продали как новую. И потом, «Ванна» датирована только прошлым годом, а между тем в ней тоже присутствует чистый кобальт.

В «Часах» кобальт использовался очень скупно, лишь местами усиливая тень. У Мёрчисона был исключительно острый глаз. Том вспомнил, что чистый кобальт присутствовал и в «Красных стульях» – более ранней картине Дерватта, подлиннике. Интересно, зафиксирована ли где-нибудь дата ее создания? Если бы им удалось как-нибудь доказать, что «Красным стульям» всего три года, то можно было бы просто-напросто послать Мёрчисона с его измышлениями подальше. Надо будет уточнить это у Джеффа и Эда, подумал Том.

– Вы точно помните, что писали «Часы»? – спросил Мёрчисон.

– Я знаю, что это моя картина, – ответил Том. – Возможно, я был в Греции или в Ирландии, когда писал ее, – я не запоминаю дат. К тому же даты, указанные в каталогах галереи, не всегда совпадают с фактическим временем создания картины.

– Мне кажется, что «Часы» – не ваша работа, – сказал Мёрчисон с типично американской добродушно-снихождительной убежденностью.

– Господи, почему же? – произнес Том не менее добродушно.

– Я понимаю, все это, может быть, несколько бесцеремонно с моей стороны. Но я видел ваши ранние работы в Филадельфии. Вы, мистер Дерватт, я сказал бы...

– Зовите меня просто Дерватт. Мне так больше нравится.

– Вы, Дерватт, такой плодовитый художник, что, мне кажется, могли бы и забыть... не вспомнить какую-то из своих картин. Безусловно, «Часы» написаны в вашей манере, и тема типична для вашего... мм...

Джефф, который так же, как и Эд, внимательно слушал Мёрчисона, воспользовался паузой.

– Но, мистер Мёрчисон, ведь картина была прислана из Мексики вместе с другими работами Дерватта. Он всегда отправляет нам две-три картины одновременно.

– Да. На «Часах» указана дата – той же черной краской, какой сделана подпись Дерватта. Три года назад. – Мёрчисон перевернул полотно обратной стороной и продемонстрировал им всем подпись и дату. – Я отдавал картину специалистам, чтобы они удостоверили их подлинность. Так что, видите, я все проверил очень тщательно, – сказал Мёрчисон, улыбаясь.

– Тогда я не совсем понимаю, в чем проблема, – сказал Том. – Если на картине моим почерком указано, что я писал ее три года назад, то, значит, это было в Мексике.

Мёрчисон посмотрел на Джеффа.

– Мистер Констант, вы говорите, что «Часы» были высланы вам одной партией с двумя-тремя другими картинами?

– Да. И, по-моему, две другие имеются здесь на выставке, – их владельцы живут в Лондоне. Это «Апельсины» и... Ты не помнишь вторую, Эд?

– Может быть, «Видение птицы»?

По удовлетворенному кивку Джеффа Том понял, что это действительно так, – или же Джефф очень умело притворялся.

– Да, точно, – подтвердил Джефф.

– Там другая техника, – возразил Мёрчисон. – Там тоже есть фиолетовый цвет, но он получен за счет смешения красок. Эти две картины, о которых вы говорите, – подлинники, хотя и более поздние.

Тут Мёрчисон был не совсем прав. Обе они были подделками. Том очень осторожно почесал бороду, сохраняя невозмутимый и чуть насмешливый вид.

Мёрчисон перевел взгляд с Джеффа на Тома.

– Вы, конечно, можете обвинить меня в нахальстве, но, простите меня, Дерватт, мне все-таки кажется, что вашу работу подделали. Я даже больше скажу: готов спорить на что угодно, «Часы» писали не вы.

– Но, мистер Мёрчисон, – вмешался Джефф, – это же легко проверить...

– Показав мне квитанцию о получении определенного числа картин в определенное время? Полотна, поступившие из Мексики, и даже, возможно, не имевшие названия?

– Бакмастерская галерея – единственный официальный дилер произведений Дерватта. Вы купили эту картину у нас.

– Я все это понимаю, – сказал Мёрчисон, – и не обвиняю ни вас, ни Дерватта. Я просто говорю, что не верю в *подлинность* этой картины. Я не знаю, что произошло *на самом деле*. – Мёрчисон посмотрел на всех троих по очереди, несколько смущенный собственной горячностью, но не намеренный сдаваться. – Но я убежден, что художник не может вернуться к краске или сочетанию красок, которыми он когда-то пользовался, если он нашел им замену столь тонкую и вместе с тем столь существенную, как бледно-лиловый цвет в новых работах Дерватта. Вы не согласны, Дерватт?

Том вздохнул и прикоснулся к усам указательным пальцем.

– Я не знаю. Похоже, я не так подкован теоретически, как вы, мистер Мёрчисон.

Наступила пауза.

– Так как же, по-вашему, нам следует поступить, мистер Мёрчисон? – спросил Джефф. – Вернуть вам деньги? Мы будем только рады сделать это, потому что Дерватт только что удостоверил подлинность картины, а стоит она теперь, уж поверьте, гораздо больше десяти тысяч долларов.

Том надеялся, что американец согласится, но они не на того напали.

Мёрчисон помолчал, сунул руки в карманы брюк и взглянул на Джеффа.

– Благодарю вас, но я хочу убедиться в своей правоте, а не получить деньги. И раз уж я нахожусь в Лондоне, где много истинных – может быть, даже лучших в мире – знатоков живописи, то я намерен показать «Часы» какому-нибудь эксперту, чтобы он сравнил их с бесспорными творениями Дерватта.

– Ну вот и хорошо, – дружелюбно отозвался Том.

– Большое спасибо, что согласились встретиться со мной, Дерватт. Я был искренне рад познакомиться с вами. – Мёрчисон протянул ему руку.

Том крепко пожал ее.

– Я тоже, мистер Мёрчисон.

Эд помог Мёрчисону упаковать картину и дал ему новую бечевку взамен разрезанной.

– Я смогу связаться с вами через галерею? – спросил Мёрчисон у Тома. – Скажем, завтра?

– Да, конечно, – ответил Том. – Они будут знать, где меня найти.

Когда Мёрчисон вышел, Джефф и Эд дружно и с огромным облегчением вздохнули.

– Ну и насколько это серьезно, по-вашему? – спросил Том.

Джефф разбирался в живописи лучше и потому ответил, с трудом подбирая слова:

– Я думаю, это будет серьезно, если он втянет в дело экспертов. А он это сделает. Пожалуй, в этой его идее насчет фиолетового цвета что-то есть. Это может послужить первым звеном, за которым потянется кое-что похуже.

– Почему бы нам не вернуться к тебе в студию, Джефф? – сказал Том. – Вы можете выпустить меня опять с черного хода, как Золушку?

– Да, конечно, – улыбнулся Джефф, – но сначала я хочу поговорить с Леонардом. Я приведу его, чтобы он взглянул на тебя.

Джефф вышел.

Гул в галерее стал тише. Том посмотрел на Эда, чье лицо было довольно бледным. «Я-то могу исчезнуть, а ты нет», – подумал Том. Том расправил плечи и поднял руку, растопырив два пальца в виде знака «V».

– Не вешай носа, Банбери. Прорвемся.

– Или же они нас... – Эд сделал неприличный жест, демонстрирующий, что с ними делают.

Вернулся Джефф с Леонардом, невысоким и очень аккуратным молодым человеком в костюме в эдвардианском стиле¹⁰ с бархатной отделкой и множеством пуговиц. При виде Дерватта Леонард залился счастливым смехом, и Джефф замахал на него руками.

– Это бесподобно, просто бесподобно! – сказал Леонард, оглядывая Тома с ног до головы с искренним восхищением. – Мне приходилось видеть неплохие спектакли, уж поверьте, но ничего похожего, – с тех самых пор, как я сам в прошлом году изображал Тулуз-Лотрека с подвязанными к спине ногами. – Леонард не мог отвести глаз от Тома. – Кто вы?

– Это, – сказал Джефф, – тебе знать не обязательно. Достаточно сказать...

– Достаточно сказать, – вставил Эд, – что Дерватт только что провел блестящую пресс-конференцию.

– А завтра Дерватт исчезнет, – прошептал Джефф, – вернется в Мексику... А теперь исчезни тоже, Леонард, – у тебя там есть дело.

– Чао! – сказал Том, приподняв руку.

– *Nonnage*¹¹, – отвечал Леонард. Пятясь и кланяясь, он добрался до двери, где произнес: – Зрителей почти не осталось. И выпивки тоже.

Он выскользнул за дверь.

Том, однако, был отнюдь не в столь безоблачном настроении. Он хотел поскорее избавиться от маскарадного костюма. Проблема, из-за которой он приехал, еще не была решена.

Вернувшись в студию Джеффа, они обнаружили, что Бернард Тафтс ушел. Эд и Джефф были удивлены. Тому это тоже не очень понравилось: Бернарду следовало бы знать, как все прошло.

– Вы, конечно, сможете связаться с ним, – сказал он.

– Безусловно, – ответил Эд. Он заваривал чай на кухне. – Бернард всегда *chez lui*¹². И телефон у него есть.

Том подумал, что телефона для объяснения с Бернардом будет, пожалуй, недостаточно.

– Мёрчисон, наверно, захочет повидать тебя еще раз, вместе с экспертом, – сказал Джефф. – Так что тебе действительно лучше исчезнуть. Объявим, что ты завтра возвращаешься в Мексику – или даже сегодня вечером.

¹⁰ Характерно для периода правления английского короля Эдуарда VII (1901–1910).

¹¹ Мое почтение (*фр.*).

¹² У себя, дома (*фр.*).

Джефф потягивал перно. Он явно чувствовал себя более уверенно – видимо, потому, что пресс-конференция и даже беседа с Мёрчисоном прошли благополучно.

– В какую Мексику?! – воскликнул Эд, выходя из кухни с чашкой чая. – Нет, Дерватт пробудет несколько дней в Англии, чтобы повидаться с друзьями. Но даже мы не будем знать, где он. И уже *после этого* он уедет в Мексику. А каким образом – откуда нам знать?

Том скинул мешковатый пиджак.

– Известно, когда написаны «Красные стулья»? – спросил он.

– Да, – ответил Джефф, – шесть лет назад.

– И это всюду зафиксировано? Я подумал, нельзя ли перенести дату их создания на более поздний срок – чтобы обойти это фиолетовое затруднение.

Эд и Джефф быстро переглянулись.

– Ничего не получится, – покачал головой Эд. – Дата указана в нескольких каталогах.

– Есть еще вариант. Надо, чтобы Бернард написал несколько вещей – хотя бы парочку, – используя этот самый чистый кобальт. Это покажет, что Дерватт применяет оба способа поочередно. – Но, выдвинув это предложение, Том тут же и сам понял, что оно нереально, – и он знал почему. По всей вероятности, на Бернарда они больше не могут рассчитывать. Том отвел взгляд от Джеффа с Эдом. Те пребывали в явном сомнении. Он встал и выпрямился, все еще чувствуя себя Дерваттом.

– Я никогда не рассказывал вам о своем медовом месяце? – спросил он монотонным дерваттовским тоном.

– Нет, интересно было бы послушать! – живо откликнулся Джефф, заранее улыбаясь.

Том по-дерваттовски ссутулился.

– Дело было в Испании. Мы с Элоизой расположились у себя в гостиничном номере, и тут вдруг возникло совершенно непредвиденное затруднение. Внизу, во внутреннем двореке, какой-то попугай запел арию Кармен – можете себе представить, что это было. Только мы соберемся приступить к делу, как раздается что-то вроде: «А-ха-ха, ха, ха, ха-ха, ха-ха... А-ха, ха-ха, ха-ха-ха, ха-хааа!» Люди высовывались из окон и кричали по-испански: «Заткни свой поганый клюв!.. Какой идиот научил это дьявольское отродье петь „Кармен“?!.. Сверните ему шею!.. Сварите из него суп!..» Невозможно одновременно смеяться и заниматься любовью. Вы когда-нибудь пробовали? Недаром говорят, что смех отличает человека от животного. Другая-то штука, понятно, не отличает... Эд, ты не мог бы избавить меня от этой растительности?

Но Эд не мог даже говорить от смеха, а Джефф просто рыдал на диване. Им нужна была разрядка после пережитого стресса. Однако Том понимал, что это лишь временное облегчение.

– Пошли в ванную, – сказал наконец Эд и пустил горячую воду.

Тому пришлось в голову, что если бы ему удалось каким-нибудь образом заманить Мёрчисона к себе домой, прежде чем тот повидается с экспертом, – тогда, может быть, он придумал бы, как предотвратить катастрофу, – но пока что он не имел представления, как это сделать.

– Где Мёрчисон остановился? – спросил он.

– В каком-то отеле, – пожал плечами Джефф. – Он не сказал в каком.

– Ты не мог бы позвонить туда-сюда и выяснить, где именно?

Не успел Джефф подойти к телефону, как тот зазвонил. Том слышал, как Джефф говорит кому-то, что Дерватт уехал поездом на север, но куда именно – неизвестно.

– Он довольно скрытен, – сказал Джефф.

– Еще один джентльмен из газеты, – объяснил он, повесив трубку. – Мечтает взять персональное интервью у Дерватта. – Он открыл телефонный справочник. – Попробую сначала «Дорчестер». Такие, как Мёрчисон, всегда останавливаются в «Дорчестере».

– Или в «Вестбери», – вставил Эд.

Чтобы отодрать марлю с бородой, потребовалось немало воды. Затем с помощью шампуня смыли краску с волос. Наконец Том услышал, как Джефф обрадованно говорит: «Нет, спасибо, я позвоню позже».

– «Мандевиль», – объявил Джефф. – Это на Вигмор-стрит.

Том натянул наконец собственную розовую рубашку, купленную в Венеции. Затем заказал по телефону номер в «Мандевиле» на имя Томаса Рипли. Он займет номер часов в восемь вечера, сказал он.

– Что ты собираешься делать? – спросил Эд.

Том чуть улыбнулся.

– Я еще не придумал, – ответил он. И это было правдой.

4

«Мандевиль» был довольно шикарным отелем, но далеко не таким дорогим, как «Дорчестер». Том вселился в восемь пятнадцать вечера и записал в регистрационной книге свой адрес в Вильперсе. Сначала он хотел назвать вымышленное имя и указать какой-нибудь несуществующий адрес в английской провинции, поскольку при встрече с Мёрчисоном могли возникнуть серьезные осложнения, в результате которых ему пришлось бы срочно исчезнуть, но потом он подумал, что, возможно, ему придется пригласить Мёрчисона к себе во Францию, и тогда, естественно, он должен выступать под собственным именем. Том попросил коридорного отнести его чемодан в номер, после чего заглянул в бар, надеясь, что Мёрчисон окажется там. Мёрчисона там не было, но Том решил взять пива и немного подождать.

Он просидел с кружкой пива и экземпляром «Ивнинг стандарт» минут десять, но Мёрчисон так и не появился. Том знал, что по соседству много ресторанов, но не мог же он, обнаружив Мёрчисона, подойти к его столику и завязать разговор на том лишь основании, что видел его сегодня на выставке Дерватта. Или мог? Если добавить, что он видел, как Мёрчисон заходит в офис, чтобы поговорить с Дерваттом... Да, так он и сделает. Том уже собрался отправиться на поиски по окрестным ресторанам, как увидел в дверях бара Мёрчисона, жестом приглашавшего кого-то зайти вместе с ним.

К своему крайнему удивлению и даже ужасу он увидел, что спутником Мёрчисона был Бернард Тафтс. Том мгновенно выскользнул из бара через дверь в противоположном конце, выходящую прямо на тротуар. Бернард не заметил его, в этом Том был практически уверен. Поискав телефонную будку или какой-нибудь отель, откуда можно было бы позвонить, и не найдя ни того, ни другого, он вернулся в «Мандевиль» через главный вход и взял у портье ключи от своего номера.

В номере Том сразу позвонил в студию Джеффа. Три звонка, четыре, пять... Наконец, к его облегчению, Джефф снял трубку.

– Том, привет! А мы с Эдом уже выходили, когда услышали звонок. Что случилось?

– Ты не знаешь, где сейчас Бернард?

– Мы решили не трогать его сегодня. Он в расстроенных чувствах.

– Он приводит свои чувства в порядок вместе с Мёрчисоном в баре «Мандевиля».

– *Что-что?!*

– Я звоню из своего номера. Джефф, ни в коем случае... Ты слушаешь?

– Да-да.

– Не говори Бернарду, что я видел его. И что я остановился в «Мандевиле». Что бы ни случилось, не впадай в панику. Надеюсь, Бернард в данный момент не выкладывает Мёрчисону всю подноготную «Дерватт лимитед».

– Господи боже мой!.. Нет-нет, Бернард не выдаст нас! Я не верю, что он на это способен.

– Ты позже будешь у себя?

– Да, вернусь... во всяком случае, до полуночи.

– Я постараюсь позвонить тебе. Но если вдруг не позвоню, не волнуйся. Ты же лучше не звони мне сюда... – мало ли кто может оказаться у меня в номере.

Джефф несколько принужденно рассмеялся:

– О'кей, Том.

Том положил трубку.

С Мёрчисоном обязательно надо увидеться сегодня же. Интересно, будут они с Бернардом обедать? Если придется долго ждать, это будет тоска. Том повесил костюм в шкаф и положил в ящик комода пару рубашек. Поплескав воды на лицо, он внимательно рассмотрел себя в зеркале, чтобы убедиться, что никаких следов грима и клея не осталось.

Том был как на иголках и потому, перебросив пиджак через руку, решил пройтись – может быть, в Сохо – и зайти в какой-нибудь ресторанчик пообедать. Спустившись в фойе, он заглянул в бар сквозь стеклянные двери.

Ему повезло. Мёрчисон сидел в одиночестве, подписывая счет, а дверь, выходящая на улицу, как раз закрывалась – может быть, даже за Бернардом. На всякий случай Том внимательно осмотрел вестибюль: вдруг Бернارد вышел ненадолго – скажем, в туалет. Но Бернарда нигде не было видно, а Мёрчисон между тем уже поднимался, собираясь уходить. Том поспешил в бар, приняв задумчиво-меланхолический вид, который, в общем-то, соответствовал его настроению. Он дважды посмотрел на Мёрчисона, один раз встретившись с ним взглядом, будто пытался вспомнить, где он мог его видеть. Затем Том подошел к нему.

– Прошу прощения. Мне кажется, я видел вас сегодня на выставке Дерватта, – произнес он с американским акцентом, характерным для жителей Среднего Запада.

– Ну да, я был там, – ответил Мёрчисон.

– Я подумал, что вы похожи на американца. Я тоже родился там. Вам нравится Дерватт?

Том старался произвести впечатление человека наивного и непосредственного, но не совсем уж олуха.

– Да, конечно нравится.

– У меня есть две его картины, – произнес Том с гордостью. – И может быть, я куплю еще одну в галерее, если ее не уведут у меня из-под носа, – «Ванну». Я еще не решил.

– Вот как? У меня тоже есть картина Дерватта, – отозвался Мёрчисон не менее прямолинейно.

– Правда? А как она называется?

– Почему бы нам не присесть? – Мёрчисон указал Тому на стул напротив. – Выпьете чего-нибудь?

– Спасибо, не откажусь.

– Моя картина называется «Часы», – сказал Мёрчисон, садясь. – Очень приятно встретить человека, у которого тоже есть Дерватт – и даже два.

Подошел официант.

– Мне скотч, пожалуйста, – сказал Мёрчисон. – А вы что будете? – спросил он Тома.

– Джин с тоником. И пусть выпивка будет за мой счет, поскольку я остановился в «Мандевиле».

– Мы решим этот вопрос позже. Скажите мне лучше, какие именно у вас картины Дерватта?

– «Красные стулья», – сказал Том, – и...

– «Красные стулья»? Это же настоящая жемчужина!.. Скажите, вы живете в Лондоне?

– Нет, во Франции.

– Ах, вот как! – разочарованно протянул Мёрчисон. – А вторая картина?..

– «Человек в кресле».

– Эту я не знаю.

Они обсудили своеобразную личность художника. Том сказал, что видел, как Мёрчисон заходит в офис, где, как ему сказали, был Дерватт.

– Да, туда пропускали только прессу, но мне удалось пробиться. Видите ли, у меня была особая причина посетить выставку, а уж когда я узнал, что там присутствует *сам Дерватт*, то сразу решил, что не упущу возможности встретиться с ним.

– А какая особая причина? – спросил Том.

Мёрчисон пустился в объяснения. Он растолковал, почему он считает, что Дерватта поддельвают, и Том слушал его, раскрыв рот. Дело в том, говорил Мёрчисон, что последние лет пять Дерватт использует смесь ультрамарина и красного кадмия. (Значит, это началось еще до его смерти и не было изобретением Бернарда, подумал Том.) А в «Часах» и «Ванне» он вдруг

опять возвращается к прежней технике – чистому кобальту. Мёрчисон прибавил, что он и сам немного пишет красками – естественно, по-любительски.

– Разумеется, я не эксперт, но, поверьте, я прочитал чуть ли не всю существующую литературу о живописи и художниках. Да чтобы отличить чистую краску от смеси, и не требуется ни эксперта, ни микроскопа. Но дело не в этом. Я хочу сказать, что просто-напросто не бывает такого, чтобы художник вернулся к технике, от которой он сознательно или даже не отдавая себе отчета отказался. Я не случайно говорю «не отдавая себе отчета», потому что, когда художник принимает решение использовать новую краску или сочетание красок, это происходит, как правило, бессознательно. Само собой, лиловый цвет встречается не в каждой картине Дерватта. Но я пришел к выводу, что мои «Часы» и некоторые другие работы – в том числе и «Ванна», которая вас заинтересовала, – созданы не Дерваттом.

– Это чрезвычайно интересно. Потому что в моей картине, «Человек в кресле», как раз такое сочетание красок, о котором вы говорите. Мне так кажется. А написана она года четыре назад. Как бы мне хотелось, чтобы вы ее посмотрели!.. А как вы собираетесь поступить со своими «Часами»?

Мёрчисон закурил «Честерфилд».

– Сейчас узнаете. Я еще не закончил рассказ. Я только что встретил здесь одного молодого англичанина – тоже художника, Бернарда Тафтса, – и он, похоже, подозревает то же самое.

– Да что вы? – Том нахмурился. – Но это же настоящая сенсация, если кто-то подделывает Дерватта! А что вам сказал этот молодой художник?

– Мне показалось, что он знает больше, чем говорит. Но сомневаюсь, чтобы он был в этом замешан. Чувствуется, что у него честная натура, да и по виду его не скажешь, чтобы у него водились деньги. Но он, похоже, хорошо знает среду лондонских художников. Он просто посоветовал мне не покупать больше картин Дерватта. Что вы на это скажете?

– Да-а... Прямо не знаю... Но как он это объясняет?

– Я уже сказал – никак. Мне не удалось заставить его раскрыться до конца. Однако он очень хотел встретиться со мной – говорит, что обегал несколько отелей, прежде чем нашел меня. Я спросил его, откуда ему известно мое имя, и он ответил, что «слухами земля полнится». Но я ведь ни с кем, кроме сотрудников Бакмастерской галереи, здесь не виделся. Это странно, вам не кажется? Завтра у меня назначена встреча с экспертом из Галереи Тейт, но он не знает, что это связано с Дерваттом. – Мёрчисон глотнул скотч и сказал: – Когда картины стали поступать из Мексики... А знаете, что я завтра сделаю, помимо разговора с мистером Риммером из Галереи Тейт? Я спрошу его, не имеем ли мы права посмотреть записи о получении картин Дерватта из Мексики в бухгалтерских книгах Бакмастерской галереи. Меня интересуют не названия – тем более что Дерватт сказал, что он не всегда придумывает названия сам, – а количество полученных картин. Они, безусловно, должны были проходить через таможенную или какое-то другое ведомство, и если какие-то картины там не отмечены, то это наверняка не случайно. Вот был бы фокус, если бы выяснилось, что самого Дерватта дурачат и некоторые из его полотен – скажем, четырех- или пятилетней давности – написаны кем-то здесь, в Лондоне!

Да, подумал Том, фокус – подходящее слово.

– Но вы сказали, что разговаривали с Дерваттом. Вы не спросили его насчет своей картины?

– Я показал ее ему! Он заявил, что картина его, но, по-моему, он уверен не на все сто процентов. Он не сказал: «Господи, конечно это моя картина!» Он посмотрел на нее пару минут и только потом произнес: «Это моя картина». Возможно, это было с моей стороны немного нахально, но я все же высказал предположение, что он мог и забыть какую-нибудь из своих старых картин, которым не давал названия.

Том нахмурился, как бы сомневаясь в этом. Впрочем, он и вправду сомневался. Даже если художник и не дает название картине, он вряд ли забудет, что писал ее. Рисунок – еще туда-сюда. Между тем Мёрчисон продолжал:

– И потом, мне не понравились эти деятели из Бакмастерской галереи – Джеффри Констант и второй, Эд Банбери, – журналист и, похоже, близкий друг Константа. Дерватт, конечно, тоже их старый друг... Я получаю у себя на Лонг-Айленде английские «Лиснер», «Артс ревью» и «Санди таймс», и там часто попадаются статьи Банбери о Дерватте или рекламные вставки, посвященные его творчеству. И знаете, что мне пришло в голову?

– Что? – спросил Том.

– Что Констант и Банбери, возможно, выпускают какое-то количество подделок Дерватта, чтобы получать дополнительный доход. Я, конечно, не думаю, что Дерватт как-то участвует в этом мошенничестве. Но это было бы забавно, не правда ли, если бы Дерватт оказался настолько рассеянным, что не помнил бы, сколько картин он написал? – Мёрчисон расхохотался.

Действительно забавно, подумал Том, хотя и не так уж весело. А на самом деле все даже забавнее, чем вы думаете, мистер Мёрчисон. Том улыбнулся.

– Так вы собираетесь показать завтра картину эксперту, мистер Мёрчисон?

– Давайте поднимемся ко мне, и я покажу ее вам.

Том хотел заплатить по счету, но Мёрчисон не позволил ему сделать это.

Они поднялись на лифте. Картина была запихнута в угол шкафа, и было видно, что Мёрчисон не разворачивал ее после того, как принес из галереи. Том с интересом разглядывал полотно.

– Красивая картина! – сказал он.

– Да, с этим трудно спорить.

– А знаете что? – Том поставил картину на письменный стол, прислонив ее к стене, и полностью включил освещение. – В ней есть что-то общее с моим «Человеком в кресле»... Почему бы вам не махнуть ко мне и не взглянуть на него? Я живу совсем недалеко от Парижа. Если вам покажется, что моя картина – тоже подделка, я мог бы дать ее вам, чтобы вы показали ее эксперту вместе со своей.

– Хм... – задумался Мёрчисон. – В принципе это возможно.

– Похоже, меня этот вопрос взволновал так же, как и вас, – сказал Том. Предложить оплатить поездку во Францию было бы неудобно, подумал он. – У меня довольно большой дом, и я в данный момент живу один, не считая служанки.

– Решено, я еду, – сказал Мёрчисон, так и не присаживаясь.

– Я собираюсь вылететь завтра.

– Хорошо. Я отложу встречу с экспертом.

– У меня много еще и других картин. Я, конечно, не коллекционер... – Том уселся в большое кресло. – Но у меня есть Сутин, парочка Магриттов. Я с удовольствием покажу их вам.

– Правда?.. – глаза Мёрчисона заволоклись мечтательной дымкой. – И вы говорите, что живете недалеко от Парижа?

Десять минут спустя Том уже был в своем номере этажом ниже. Мёрчисон предложил вместе поужинать, но Том предпочел соврать, что на десять часов у него назначена встреча, так что он не успеет. Покупку авиабилета в Париж и обратно Мёрчисон доверил Тому. Том заказал по телефону два места на двухчасовой рейс до Орли на следующий день, среду. Себе он приобрел обратный билет заранее. После этого он оставил у портье записку для Мёрчисона насчет рейса и попросил принести в номер бутерброд и полбутылки медака. Вздремнув до одиннадцати, он заказал телефонный разговор с Гамбургом. На это ушло полчаса.

«Ривза Мино нет дома», – сообщил ему мужской голос с немецким акцентом.

Том уже устал от вечных безрезультатных попыток поймать Ривза по телефону и потому рискнул назвать свое имя и спросил, не оставял ли Ривз какого-либо сообщения для него.

– Да-да. В записке говорится – среда. Граф будет в Милане завтра. Вы можете приехать завтра в Милан?

– Нет, я не могу приехать завтра в Милан. *Es tut mir leid*¹³. – Том не стал говорить этому человеку, кто бы он ни был, что граф, чей путь лежал из Милана во Францию, уже приглашен к нему домой. Том не мог всякий раз бросать все свои дела и мчаться в другой город или страну, хотя в принципе любил такие марш-броски. Он уже летал дважды по просьбе Ривза в Гамбург и Рим, где якобы случайно встречался с «переносчиком» (так Том называл транспортировщиков контрабанды) и приглашал его к себе в Вильперс.

– Думаю, в этом нет необходимости, – продолжал Том. – Вы не можете мне сказать, где граф остановится в Милане?

– «Гранд-отель», – кратко ответил голос.

– Передайте, пожалуйста, Ривзу, что я с ним свяжусь – может быть, завтра. Где я смогу его застать?

– Завтра утром в «Гранд-отеле» в Милане. Он выезжает в Милан ночным поездом. Он не любит летать на самолете.

Этого Том не знал. Было довольно странно, что такой человек, как Ривз, не любит самолетов.

– Так я позвоню ему. Я сейчас в Париже, а не в Мюнхене.

– В Париже? – произнес голос с удивлением. – Но ведь Ривз пытался дозвониться к вам в мюнхенский «Фиряресцайтен».

Полнейшая путаница. Вежливо распростившись, Том положил трубку.

Стрелки часов приближались к полуночи. Том раздумывал, что сказать Джеффу Константу. И что делать с Бернардом? В уме у него уже сложилась законченная речь, способная убедить и успокоить Бернарда, и он успел бы повидать его перед отлетом, но Том боялся, что если к Бернарду станут приставать с увещеваниями, тот только больше расстроится и заикнется на своем. Раз Бернард посоветовал Мёрчисону не покупать картин Дерватта, значит он не собирался больше писать подделок, и всей их аванюре мог прийти конец. Не исключена и еще более серьезная угроза: возможно, Бернард уже созрел для того, чтобы сделать признание полиции или кому-либо из покупателей фальшивых Дерваттов.

Хорошо бы знать наверняка, что думает Бернард и что он собирается предпринять.

Том принял решение: он не станет говорить с Бернардом. Бернард знал, что идея с фальсификацией Дерватта исходит от него, Тома. Том залез под душ и запел:

Babbo non vuole
Mamma nemmeno
Come faremo
A far all' amor...

Стены в «Мандевиле» производили впечатление звуконепроницаемых – возможно, ошибочное. Том уже давно не напевал эту песню. Он был рад, что она непроизвольно вспомнилась ему, потому что в ней передавалось ощущение счастья, и Том решил, что это обещает удачу.

Он облачился в пижаму и набрал номер Джеффа.

Джефф снял трубку сразу.

– Привет. Ну, как дела?

¹³ Сожалюю (нем.).

– Я познакомился с Мёрчисоном, и мы прекрасно поладили. Завтра едем во Францию, ко мне. Так что это дает небольшую передышку.

– Ты хочешь сказать, что надеешься переубедить его или что-то вроде этого?

– Да. Что-то вроде этого.

– Давай я подьеду к тебе в отель. Ты, наверное, слишком устал, чтобы тащиться ко мне. Или нет?

– Да нет, я не устал, но в этом нет необходимости. А приехав сюда, ты еще, не дай бог, наткнешься на Мёрчисона. Это будет совсем некстати.

– Да уж.

– Бернارد не давал о себе знать?

– Нет.

– Скажи ему... – Том запнулся, подыскивая слова. – Скажи ему, что тебе – но только не мне – случайно стало известно, что Мёрчисон решил выждать несколько дней, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в связи с картиной. Самое главное, чтобы Бернارد сейчас не сорвался. Ты можешь взять это на себя?

– А почему бы тебе не поговорить с ним?

– Потому что это ни к чему хорошему не приведет! – ответил Том довольно резко. У некоторых людей нет никакого представления о психологии.

– Том, ты был сегодня великолепен, – сказал Джефф. – Спасибо тебе.

Том улыбнулся, польщенный восторженным тоном Джеффа.

– Проследи за Бернардом. Я позвоню тебе перед вылетом.

– Буду у себя в студии все утро.

Они распрощались.

Если бы он рассказал Джеффу о намерении Мёрчисона посмотреть записи поступлений картин Дерватта из Мексики, это не на шутку встревожило бы его. Но завтра придется сделать это, позвонив по какому-нибудь уличному автомату. Операторы, сидевшие на коммутаторе в отеле, не вызывали у Тома доверия. Он, конечно, попытается отговорить Мёрчисона от этой затеи, но на тот случай, если у него ничего не получится, не мешает сделать соответствующие правдоподобные записи в бухгалтерских книгах галереи.

5

Наутро, завтракая в постели (удовольствие, стоившее несколько дополнительных шиллингов), Том позвонил мадам Аннет. Хотя было всего восемь часов, Том знал, что прошел уже почти час, как она встала и, напевая, принялась хозяйничать по дому: включила на кухне отопление, сделала себе слабый *infusion*¹⁴чая, поскольку от кофе у нее начиналось сердцебиение, и стала поправлять и расставлять многочисленные горшки с цветами на подоконниках, чтобы на них падало как можно больше солнечных лучей. А его *coup de fil*¹⁵из *Londres*¹⁶будет для нее большой радостью.

– Алло?.. Алло! (Телефонистка в ярости.)

– Алло? (Заинтересованно.)

– Алло!

На связи было сразу три оператора плюс женщина за коммутатором в «Мандевиле».

Наконец к ним присоединилась и мадам Аннет.

– Здесь очень красиво сегодня утром, – сказала она. – Столько солнца!

Том улыбнулся. Ее жизнерадостный голос действовал как бальзам на его душу.

– Мадам Аннет!.. Да, я чувствую себя прекрасно, спасибо. Как ваш зуб?.. Это хорошо. Я звоню, чтобы сказать, что буду сегодня дома часа в четыре вместе с джентльменом из Америки.

– О! – Мадам Аннет была очень довольна.

– Он останется у нас до завтра или, может быть, до послезавтра – трудно сказать. Вы приготовите для него гостевую комнату? Немного цветов, и так далее. И было бы здорово, если бы вы смогли приготовить к обеду *tournefos*¹⁷ с вашим восхитительным *béarnaise*¹⁸.

Мадам Аннет была вне себя от радости, что Том возвращается с гостем и у нее будет повод отличиться.

Затем Том позвонил Мёрчисону и договорился встретиться с ним в полдень в фойе, чтобы вместе ехать в Хитроу.

Том решил пройтись до Беркли-сквер, где находился магазин мужской одежды, в котором он почти всякий раз, бывая в Лондоне, покупал себе шелковую пижаму. Это стало своего рода ритуалом. Кроме того, ему хотелось проехаться на метро. Метро было неотъемлемой частью лондонской атмосферы, и Тому очень нравилось рассматривать рисунки и надписи, нацарапанные на стенах. Солнце уже совсем потеряло надежду пробиться сквозь влажную дымку, хотя и дождя практически не было. Вместе с последними спешащими на работу лондонцами Том нырнул под землю на Бонд-стрит. Из авторов настенных граффити его больше всего восхищали те, кто умудрялся создать свое произведение, стоя на движущемся эскалаторе. На стенах туннеля было развешено множество плакатов, рекламирующих нижнее белье, – девушки в одних только поясах или штанишках с пририсованными анатомическими добавлениями – и мужскими, и женскими. Иногда тут же были написаны целые фразы: «БЫТЬ ГЕРМАФРОДИТОМ – ЭТО ПОТРЯСАЮЩЕ!» Интересно все же, как это у них получается? Бегут в сторону, противоположную движению эскалатора, и в это время пишут? Излюбленной фразой было: «ЧЕРНОМАЗЫЕ, УБИРАЙТЕСЬ!» и ее вариант: «ЧЕРНОМАЗЫЕ, УБИРАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО!» Внизу, на платформе, Том увидел рекламный плакат «Ромео и Джульетты» Дзефирелли. Ромео был распростерт в обнаженном виде на спине, а Джульетта напозла на

¹⁴ Настой (*фр.*).

¹⁵ Телефонный звонок (*фр.*).

¹⁶ Лондон (*фр.*).

¹⁷ Биштекс (*фр.*).

¹⁸ Беарнский соус на основе яиц и растопленного масла (*фр.*).

него с довольно-таки шокирующим предложением, исходящим в виде пузыря из ее рта. Ответ Ромео, также в пузыре, гласил: «Почему бы и нет?»

К половине одиннадцатого Том купил пижаму – желтого цвета. В Лондон он ехал с мыслью приобрести фиолетовую, но теперь был уже по горло сыт разговорами об этом цвете. Взяв такси, Том доехал до Карнаби-стрит. Тут он выбрал себе пару узких шелковистых брюк – расклешенные он не любил, – а вот Элоизе купил расклешенные, в обтяжку, из черной шерсти, с талией на бедрах. Примерочная кабинка была такой крошечной, что там невозможно было сделать шаг назад, чтобы увидеть в зеркале, подходят ли брюки по длине. Впрочем, это не имело особого значения: мадам Аннет обожала подгонять им с Элоизой одежду. К тому же каждые несколько секунд занавеску отдергивали двое итальянцев, которым не терпелось примерить выбранные ими вещи. При этом они непрерывно восклицали: «Bellissimo!»¹⁹ Когда Том расплачивался, появилась также парочка греков, принявшихся громко обсуждать цены, переводя их в драхмы. Помещение магазина было примерно шесть футов на двенадцать, и неудивительно, что покупателей обслуживал только один продавец, – для второго просто не было места.

Шурша бумажными пакетами, Том зашел в телефонную будку, чтобы позвонить Джеффу Константу.

– Я разговаривал с Бернардом, – сказал Джефф. – Он до смерти боится Мёрчисона. Он сам рассказал мне о беседе с ним, так что я спросил, что он ему сообщил. Он ответил, что только посоветовал ему не покупать больше картин Дерватта. Но уже этого более чем достаточно, не правда ли?

– Да, больше уж некуда, – согласился Том. – Что еще?

– Ну, я сказал Бернardu, что ему теперь не в чем себя упрекать. Все это очень трудно объяснить. Ты не знаешь Бернарда. У него настоящий комплекс вины перед гением Дерватта, – ну и так далее. Я пытался втолковать ему, что, предупредив Мёрчисона, он снял с себя вину, так что может дальше жить спокойно.

– И что он ответил на это?

– Он так подавлен, что даже трудно понять, что он говорит. Картины на выставке распродали все, кроме одной, представляешь! Так Берnard и из-за этого казнит себя! – Джефф рассмеялся. – Осталась непроданной лишь «Ванна» – одна из тех картин, к которым прицепился Мёрчисон.

– Если Берnard скажет, что не будет больше писать подделок, не заставляйте его, – посоветовал Том.

– Конечно. Я абсолютно с тобой согласен. Думаю, недельки через две он придет в себя и опять возьмется за кисть. Это все объясняется нервотрепкой в связи с выставкой и твоим выступлением в роли Дерватта. Дерватт значит для него больше, чем для многих других Иисус Христос.

Тому он мог этого и не говорить.

– И еще одно, Джефф. Возможно, Мёрчисон захочет посмотреть в галерее записи о поступлении картин Дерватта. Ты ведешь их?

– Что касается картин из Мексики, то нет.

– Ты не мог бы нашлепать их – на случай, если мне не удастся уговорить Мёрчисона бросить его затею?

– Я попробую... – Голос Джеффа звучал неуверенно.

– Сделай это, – повторил Том нетерпеливо. – Так, чтобы записи выглядели старыми. Обзавестись всей необходимой документацией не мешает и без Мёрчисона... – Том не стал

¹⁹ «Прекрасно, великолепно!» (ит.)

больше ничего говорить. Некоторые не имеют никакого понятия о том, как вести дела – даже такие прибыльные, как «Дерватт лимитед».

– Хорошо, Том.

Том прошелся до Берлингтонского пассажа, где в ювелирной лавке купил Элоизе золотую булавку с головкой в виде свернувшейся в клубок обезьянки и расплатился за нее американскими дорожными чеками. У Элоизы в следующем месяце был день рождения. Затем он направился по Оксфорд-стрит обратно к отелю. Улица, как всегда, была запружена народом – покупатели, женщины с коробками и переполненными сумками, тащившие за собой ребятишек. Человек-реклама был упакован в плакат фотостудии, делавшей фотографии для паспортов – «быстро и дешево». На старике было очень древнее пальто и шляпа с обвисшими полями; из угла рта свисала замусоленная незажженная сигарета. Оформил бы ты лучше сам заграничный паспорт и махнул куда-нибудь на греческие острова, подумал Том. Но старик не думал ни о каких путешествиях. Том выдернул сигарету у него изо рта и вставил вместо нее новенькую «Голуаз».

– Закуривай, – сказал Том и поднес к сигарете зажженную спичку.

– Блдр-с... – проговорил старик сквозь бороду.

Том запихнул всю пачку вместе со спичками в полуоторванный карман его пальто и поспешил прочь, втянув голову в плечи и надеясь, что никто не обратил на его выходку внимания.

Из своего номера он позвонил Мёрчисону, и спустя некоторое время, взяв свой багаж, они встретились внизу.

– Ходил сегодня по магазинам, искал подарок для жены, – сказал Мёрчисон в такси. Он был, судя по всему, в хорошем настроении.

– Правда? Я тоже. Купил пару модных брюк на Карнаби-стрит.

– А я для Харриет покупаю свитеры у «Маркса и Спенсера». Или шарфы от «Либертиз», а иногда шерсть в мотках. Она вяжет, и ей приятно сознавать, что шерсть доставлена прямо из доброй старой Англии.

– Вы отменили сегодняшнюю встречу?

– Ага. Договорился, что зайду к эксперту домой в пятницу.

В аэропорту они неплохо перекусили и выпили бутылку кларета. Мёрчисон настоял на том, чтобы заплатить за ланч. За столом Мёрчисон рассказал о своем сыне, который был изобретателем и работал в какой-то калифорнийской лаборатории. У сына с невесткой только что появился на свет первенец. Мёрчисон показал Тому фотографию своей первой внучки, названной Карин в честь бабушки с материнской стороны, и пошутил насчет своих нежных чувств к ней. В ответ на вопрос Мёрчисона, почему он поселился во Франции, Том объяснил, что женился три года назад на француженке. Мёрчисон был не настолько бесцеремонен, чтобы спрашивать напрямик, каким образом Том зарабатывает на жизнь, но спросил, как Том проводит время, чем занимается.

– Увлекаюсь историей, – ответил Том небрежным тоном, – изучаю немецкий. Да и французский-то у меня еще далек от совершенства. Ну, еще люблю возиться в саду – он у нас довольно большой. Кроме того, немного занимаюсь живописью – просто для развлечения.

В три часа они были в Орли. Том отправился на местном автобусе-подкидыше в гараж за своей машиной, а затем подобрал Мёрчисона с багажом на стоянке такси. Здесь было теплее, чем в Англии; солнце сияло вовсю. Том проехал через Фонтенбло, чтобы Мёрчисон мог посмотреть на замок, который он не видел уже лет пятнадцать. В Вильперс они приехали примерно в половине пятого.

– А тут мы обычно все покупаем, – указал Том на бакалейную лавку на главной улице.

– Очень симпатичное местечко – не испорчено цивилизацией, – прокомментировал Мёрчисон, а увидев Бель-Омбр, воскликнул: – Да у вас просто грандиозный дом! Он по-настоящему красив!

– Сейчас что, вот если бы вы видели его летом... – скромно отозвался Том.

Мадам Аннет, услышав шум мотора, вышла встретить их и принять багаж, но Мёрчисон не мог допустить, чтобы она таскала что-нибудь более тяжелое, чем сумки с бутылками и сигаретами.

– Дома все в порядке, мадам Аннет? – спросил Том.

– О да. Приходил даже сантехник и починил туалет.

Том вспомнил, что в одном из туалетов протекал бачок.

Они вдвоем провели Мёрчисона в его комнату с ванной. Вторая дверь из ванной вела в спальню Элоизы. Том объяснил, что его жена в данный момент в Греции с друзьями. Он оставил Мёрчисона умываться с дороги и распаковывать вещи и сказал, что будет ждать его в гостиной. Мёрчисон между тем уже с интересом разглядывал гравюры, развешенные на стенах.

Спустившись, Том попросил мадам Аннет заварить чай и преподнес ей бутылку туалетной воды «Лейк мист», купленную в Хитроу.

– О, мсье Тоом, *comme vous êtes gentil!*²⁰

Том улыбнулся ей. Мадам Аннет всегда была так искренне благодарна, что это не могло не вызывать ответную благодарность.

– А как *tournedos?* – спросил он. – Удались сегодня?

– Ah, oui!²¹ А на десерт – *mousse au chocolat*²².

Том прошел в гостиную. Мадам Аннет включила отопление и расставила повсюду цветы. В гостиной был камин, но Тома так завораживал огонь, что он мог смотреть на него подолгу, не отрываясь, а потому решил сейчас не разводиться. Он стал разглядывать «Человека в кресле» над камином и даже подпрыгнул от удовольствия, доставляемого и самой картиной и сознанием, что созерцаешь что-то знакомое и близкое. Бернард все-таки молодец. Правда, пару раз он оплошал с соответствием картин определенному периоду, но кому нужны эти периоды? Вообще-то, было бы логично поместить на почетном месте над камином «Красные стулья» – вещь, написанную самим Дерваттом. То, что он предпочел повесить здесь подделку, очень хорошо характеризовало его самого, подумал Том. Элоиза не подозревала, что «Человек в кресле» – фальшивка; она не была в курсе их аферы с подделками. Да и к живописи она проявляла умеренный интерес. Если она и любила что-нибудь по-настоящему, так это путешествия, экзотические блюда, новые туалеты. Содержимое двух платяных шкафов у нее в спальне напоминало международный музей костюма – не хватало только манекенов. У нее были тунисские жилеты, мексиканские отделанные бахромой жакеты без рукавов, греческие мешковатые солдатские бриджи, в которых она выглядела неотразимо, и украшенные шитьем китайские блузки, купленные в Лондоне.

Тут Том вдруг вспомнил о графе Бертолоцци и подошел к телефону. В принципе он предпочел бы не упоминать имени графа при Мёрчисоне, но, с другой стороны, он не замыслил ничего плохого, и действовать в открытую было, возможно, и лучше. Том позвонил в миланскую справочную службу, узнал номер отеля и дал его французской телефонистке. Она сказала, что соединение может занять полчаса.

Тем временем спустился Мёрчисон. Он переделся в серые фланелевые брюки и зеленый с черным твидовый пиджак.

²⁰ Вы так любезны! (*фр.*)

²¹ О да! (*фр.*)

²² Шоколадный мусс (*фр.*).

– Ах, жизнь на природе, вдали от шума городского! – воскликнул он, излучая удовольствие. Тут он заметил на противоположной стене «Красные стулья» и направился к ним, чтобы рассмотреть как следует. – Да, это шедевр... Подлинный Дерватт!

Это правда, подумал Том, и волна гордости охватила его, что, на его взгляд, было немного глупо.

– Да, я люблю эту картину, – сказал он.

– Я слышал о ней, если мне не изменяет память. Название звучит знакомо. Поздравляю вас, Том.

– А вот «Человек в кресле», – кивнул Том на противоположную стену.

– Ага, – произнес Мёрчисон уже совсем другим тоном и подошел поближе. Том заметил, как вся его высокая, плотная фигура сосредоточенно напряглась. – Сколько ей лет?

– Приблизительно четыре года, – ответил Том абсолютно правдиво.

– Простите за нескромный вопрос: сколько вы за нее заплатили?

– Четыре тысячи фунтов. Еще до девальвации. В долларах примерно одиннадцать тысяч двести.

– Мне очень нравится, – кивнул Мёрчисон. – И видите, тот же фиолетовый цвет. Правда, немного, но смотрите сами. – Он указал на нижнюю часть кресла. Картина висела высоко, и камин мешал Мёрчисону дотянуться до нее, но Том все равно понимал, какой именно фиолетовый мазок он имеет в виду. – Чистый кобальт фиолетовый. – Мёрчисон вернулся к «Красным стульям» и стал разглядывать картину с расстояния в десять дюймов. – И тут она же, а картина гораздо старше.

– Так вы думаете, «Человек в кресле» – подделка?

– Да. Как и мои «Часы». Другое качество. С «Красными стульями» не сравнить. Качество – это свойство, которое не определишь с помощью микроскопа. Но оно чувствуется в картине со всей несомненностью. И так же несомненно, что здесь чистый кобальт.

– Но это может означать, – возразил Том невозмутимо, – что Дерватт попеременно использует чистый кобальт и ту смесь, о которой вы говорили.

Мёрчисон, нахмурившись, покачал головой:

– Я так не думаю.

Мадам Аннет вкатила сервировочный столик с чайными принадлежностями. Одно из колес слегка поскрипывало.

– Voilà le thé²³, мсье Тоом.

Мадам Аннет приготовила к чаю плоские пирожные с коричневой глазурью. Они были еще теплые и издавали запах ванили, похожий на аромат роз. Том разлил чай.

Мёрчисон опустился на диван. Казалось, он даже не заметил, как входила и выходила мадам Аннет. Он, как зачарованный, не отрываясь смотрел на «Человека в кресле». Затем он перевел взгляд на Тома, поморгал, улыбнулся, и лицо его опять приняло приветливое выражение.

– Вы мне, наверное, не верите. Это ваше право.

– Я не знаю, что сказать. Что касается качества, то я действительно не вижу разницы. Может быть, я недостаточно в этом разбираюсь. Если вы покажете свою картину эксперту, то я доверюсь его мнению. Кстати, можете взять в Лондон и «Человека в кресле», если хотите.

– Да, разумеется, я хотел бы. Я дам вам расписку и даже застрахую ее для вас, – добавил Мёрчисон со смехом.

– Об этом можете не беспокоиться. Она застрахована.

За чаем Мёрчисон стал спрашивать Тома об Элоизе – чем она занимается, есть ли у них дети. Детей нет. Элоизе двадцать пять лет. Нет, Том не думал, что иметь дело с фран-

²³ Вот и чай (фр.).

чуженками труднее, чем с другими женщинами, но они твердо знают, что к ним следует относиться с уважением. Эта тема быстро иссякла, поскольку каждая женщина хочет, чтобы к ней относились с уважением, и хотя Том знал Элоизу очень хорошо, он не мог выразить словами, чем она отличается в этом отношении от всех других.

Раздался телефонный звонок. Том сказал:

– Простите, я лучше поговорю из своей комнаты, – и взбежал по лестнице наверх. В конце концов, Мёрчисон мог подумать, что у него какие-то секреты с женой.

– Алло? – сказал Том. – Эдуардо? Как у вас дела? Я очень рад, что дозвонился до вас... Да, дошли слухи. Один из наших общих друзей позвонил сегодня из Парижа и сказал, что вы в Милане... Так вы можете заехать ко мне? Вы обещали.

Граф был бонвиваном и всегда радовался, если что-то могло отвлечь его от его дел, связанных с экспортом и импортом. Чуть поколебавшись по поводу изменения своих планов, он быстро и с энтузиазмом принял приглашение Тома.

– Но только не сегодня. Завтра. Это вас устроит?

Тома это не очень устраивало, поскольку он не знал, какие осложнения могут возникнуть с Мёрчисоном.

– Да, конечно, – сказал он. – И пятница тоже устроила бы...

– Нет-нет, я не заставлю вас ждать так долго, – сказал граф, не понявший намека. – Завтра, в четверг.

– Ну вот и прекрасно. Я подъеду в Орли. Когда прибывает самолет?

– Сейчас, я проверю... – На это ушло довольно много времени. Наконец, граф вернулся к телефону. – Прибытие в семнадцать пятнадцать. Рейс триста шесть, «Алиталия».

Том записал эти данные.

– Так я вас встречу. Очень рад, что вы все-таки выбрались ко мне, Эдуардо!

Том вернулся в гостиную к Томасу Мёрчисону. Они уже обращались друг к другу по имени, правда, Мёрчисон сказал, что жена зовет его не Том, а Томми. Он был инженером-гидравликом и занимал пост одного из директоров компании по прокладке трубопроводов, штаб-квартира которой находилась в Нью-Йорке.

Они прогулялись по саду, переходившему позади дома в настоящий лес. В целом Мёрчисон нравился Тому. Он думал, что сможет переубедить его, заставит отказаться от задуманного. Но *как* это сделать?

За обедом Мёрчисон говорил о нововведениях, которые собирался внедрить у себя в фирме, в том числе о транспортировке любых товаров в маленьких контейнерах прямо по трубам. Том в это время размышлял, не стоит ли посоветовать Джеффу и Эду раздобыть бланки какой-нибудь мексиканской транспортной фирмы и записать на них якобы перевозившиеся картины Дерватта. Сколько времени это займет? Эд, как журналист, мог бы, вероятно, проверить это. А если они вместе со зрителем галереи Леонардом как следует потопчутся на бланках, то те будут выглядеть достаточно старыми... Обед был на славу, и Мёрчисон на вполне сносном французском языке выразил мадам Аннет благодарность за ее *mousse* и даже за сыр бри.

– Мы выпьем кофе в гостиной, – сказал ей Том. – Вы не могли бы подать и коньяк?

Мадам Аннет растопила камин. Том и Мёрчисон расположились на большом желтом диване.

– Странно, – начал осадку Том, – но «Человек в кресле» мне нравится ничуть не меньше, чем «Красные стулья». Пусть это даже подделка. Вы не находите, что это любопытно? – Том по-прежнему говорил со среднезападным акцентом. – Он даже занимает у меня в гостиной почетное место, как видите.

– Да, но вы же не знали, что это подделка! – хмыкнул Мёрчисон. – Интересно было бы выяснить, чья это работа, очень интересно.

Том, вытянув ноги, попыхивал сигарой. Он решил выложить свой последний и самый сильный козырь:

– А не правда ли, было бы очень забавно, если бы все картины, которыми владеет Бакмастерская галерея, оказались подделками? Это значит, что существует какой-то художник ничуть не хуже Дерватта. Как вам кажется?

– Но что же тогда делает Дерватт? – улыбнулся Мёрчисон. – Сидит и наблюдает за этим? Нет, это смешно... А Дерватта, кстати, я таким и представлял себе. Несколько замкнут и старомоден.

– А вам никогда не хотелось попробовать собирать подделки? Я знаю одного итальянца, который этим занимается. Сначала это была просто забава, хобби, а теперь он продает их другим коллекционерам по очень приличной цене.

– Да, я слышал о таких вещах. Но, покупая подделку, я должен знать, что это подделка.

Том чувствовал, что вступает на очень узкий и скользкий путь. Он сделал еще одну попытку:

– Мне иногда приходят в голову всякие несуразные вещи вроде этой. В конце концов, если человек делает такие хорошие подделки, так, может быть, пускай себе делает? Я не буду снимать «Человека в кресле» – подделка это или нет.

Мёрчисон, казалось, даже не слышал Тома и сидел, уставившись на картину, о которой Том говорил.

– Знаете, – произнес он, – дело не только в сиреневом цвете, а в самой душе живописи... Ваш прекрасный обед и вино настроили меня на сентиментальный лад.

Они прикончили бутылку марго – лучшую из запасов Тома.

– Вы не думаете, что владельцы Бакмастерской галереи – жулики? – спросил Мёрчисон. – Я-то практически уверен, что так оно и есть. Если бы они не были жуликами, то не торговали бы подделками наряду с подлинниками.

Том понял, что Мёрчисон считает подлинниками все выставленные в галерее картины, кроме «Ванны».

– Да, – сказал он, – если ваши «Часы» и некоторые другие в самом деле подделки. Но вы меня пока еще не убедили.

– Это потому, что вы так любите своего «Человека в кресле», – ухмыльнулся Мёрчисон. – Но если ему четыре года, а моей картине не меньше трех, то, значит, эта афера началась уже давно. Возможно, в Лондоне есть и другие подделки, не попавшие на выставку. А если быть откровенным до конца, то я подозреваю и самого Дерватта. Я думаю, что он в сговоре с Бакмастерской галереей, – ради того, чтобы побольше заработать. И что еще странно – вот уже несколько лет не появлялось новых рисунков Дерватта. Очень странно.

– Правда? А почему это странно? – спросил Том с притворным удивлением. На самом деле он знал, что это так и есть, и понимал, что имеет в виду Мёрчисон.

– Рисунок раскрывает личность художника, – объяснил Мёрчисон. – Я додумался до этого сам, а потом уже прочел об этом где-то и убедился, что прав. – Он рассмеялся. – Люди думают, что раз я выпускаю трубы, то мне недоступны тонкие материи. Но рисунок для художника – это все равно что подпись, причем очень сложная. Пожалуй, подпись или картину подделать даже легче, чем рисунок.

– Никогда не думал об этом, – сказал Том и затушил остаток сигары в пепельнице. – Так вы говорите, что встречаетесь с экспертом из Галереи Тейт в пятницу?

– Да там есть парочка старых картин Дерватта – как вы, вероятно, знаете. И если Ример подтвердит мои подозрения, я нагряну в Бакмастерскую галерею без предупреждения и выведу их на чистую воду.

Мозг Тома начал лихорадочно искать выход. Суббота – это послезавтра. Возможно, Ример захочет сравнить «Часы» и «Человека в кресле» с картинами из своей галереи и с теми,

что выставлены в Бакмастерской. Выдержат ли работы Бернарда Тафтса этот экзамен? А если нет? Том подлил Мёрчисону коньяка и плеснул себе, хотя вовсе не хотел пить его. Он сложил руки на груди.

– А знаете, я, пожалуй, не стану предъявлять кому-либо претензий, даже если это подделка.

– Ха! Это дело ваше. Я же придерживаюсь общепринятой морали. Возможно, я старомоден. Но уж какой есть. А что если Дерватт действительно в сговоре с ними?

– О нем говорят чуть ли не как о святом.

– Да, такая легенда ходит. Может быть, в нем и было что-то от святого, когда он был молод и беден. Но он долго жил вдали от мира. А тем временем его друзья в Лондоне сделали ему имя – это несомненно. А когда бедный человек неожиданно становится богатым, с ним многое может произойти.

В этот вечер Том так и не продвинулся вперед ни на шаг. Мёрчисон устал и хотел лечь пораньше.

– Утром я позвоню насчет самолета, – сказал Мёрчисон. – Надо было сделать это еще в Лондоне. Это мое упущение.

– Ну вот, – протянул Том, – надеюсь, вы не уедете рано утром?

– Утром закажем билет, а полечу я ближе к вечеру. Идет?

Том проводил гостя в его комнату, чтобы убедиться, что у него есть все, что может понадобиться.

Он подумал, не позвонить ли Джеффу с Эдом. Но что нового мог он им сообщить, кроме того, что ему так и не удалось переубедить Мёрчисона? И к тому же ему не хотелось, чтобы номер Джеффа слишком часто фигурировал в его телефонных счетах.

6

С самого утра Том решительно настроился на победу. Выпив в постели чашку великолепного кофе мадам Аннет и окончательно проснувшись, он спустился в гостиную, чтобы проверить, не встал ли Мёрчисон. На часах было без четверти девять.

– Мсье завтракает у себя в спальне, – сообщила мадам Аннет.

Пока мадам убирала его комнату, Том побрился в ванной. В ответ на ее вопрос об обеденном меню он сказал, что Мёрчисон собирается уехать во второй половине дня.

– Сегодня четверг. Как вы думаете, удастся вам поймать пару палтусов у рыботорговца и приготовить их к обеду? – В Вильперсе не было своей рыбной лавки, так как деревня была слишком маленькой для этого, и рыбу привозили в фургоне дважды в неделю.

Мадам Аннет эта идея вдохновила.

– А у торговца фруктами замечательный виноград, – сообщила она. – Вы просто не поверите...

– Хорошо, купите тоже, – отозвался Том. Он почти не слушал ее.

В одиннадцать они с Мёрчисоном пошли прогуляться в лес позади владений Тома. Мысли и чувства Тома были в смятении. В приливе откровенности, или дружеского расположения, или каких-то иных эмоций – он и сам не знал, как их охарактеризовать, – он показал Мёрчисону собственные живописные опыты – в основном пейзажи и портреты. Том всегда старался максимально упростить манеру, мысленно ориентируясь на Матисса, но, на его взгляд, это ему плохо удавалось. Правда, один из портретов Элоизы – десятый или двенадцатый из целой серии – получился у него неплохо, и Мёрчисон его похвалил. «Господи боже мой, – думал Том, – я готов раскрыть перед ним душу, прочесть ему стихи, которые я писал Элоизе, сплясать в голом виде танец с саблями, – лишь бы он взглянул на вещи моими глазами!» Но это было неосуществимо.

Самолет Мёрчисона вылетал в четыре. Скоро пора было обедать, так как дорога до Орли в хорошую погоду занимала около часа. Пока Мёрчисон переобувался для лесной прогулки, Том завернул «Человека в кресле» в три слоя гофрированной бумаги, обвязал, сверху обернул коричневой упаковочной бумагой и еще раз обвязал бечевкой. Мёрчисон обещал Тому, что в полете будет держать его картину при себе. Он сказал, что заказал номер в «Мандевиле» на сегодняшний вечер.

– Значит, не забудьте: я не буду выдвигать никаких исков по поводу «Человека в кресле», – сказал Том.

– Но это не значит, что вы не согласны со мной? – улыбнулся Мёрчисон. – Вы ведь не собираетесь оспаривать мое утверждение, что это подделка?

– Нет, – ответил Том. – Touché²⁴. Я готов склониться перед мнением экспертов.

Лес был неподходящим местом для последнего и решительного натиска. Прогулка не доставляла Тому никакой радости. Он чувствовал, как над ним нависает большая черная туча.

В связи с отъездом Мёрчисона Том попросил мадам Аннет подать обед пораньше, и без четверти час они уже сели за стол.

Том упорно держался своего курса, решив использовать все шансы до последнего. Он привел Мёрчисону в пример Ван Мегерена, о котором Мёрчисон знал. Подделки Вермера, принадлежащие кисти Ван Мегерена, постепенно приобрели самостоятельную ценность. Первоначально это было, возможно, просто озорством со стороны Ван Мегерена, стремлением доказать свое мастерство, но эксперименты Ван Мегерена с Вермером, без сомнения, доставляли людям эстетическое удовольствие.

²⁴ Здесь: сдаюсь (фр.).

– Я не понимаю, почему вас совсем не волнует вопрос об *истине*, – говорил Мёрчисон. – Манера художника – это его истина, его честность в искусстве. Как нельзя подделывать подпись человека, чтобы снять деньги с его банковского счета, так нельзя копировать и манеру художника, чтобы заработать на его репутации, созданной его талантом.

Они подбирали с тарелок последние крошки рыбы с картошкой. Палтус был великолепен, как и белое вино. Такой обед в обычных обстоятельствах не мог не оставить у людей чувства глубокого удовлетворения, даже счастья, а с добавлением чашечки кофе должен был потянуть любовников в постель, чтобы заняться любовью и сладко уснуть. Но сегодня вся прелесть обеда для Тома пропала.

– Я просто высказываю собственное мнение, – ответил Том, – как делаю всегда, и не пытаюсь переубедить вас. Да я и не смог бы, я уверен. Но вы можете передать от меня мистеру... Константу, кажется? – что меня моя подделка вполне устраивает, и я с удовольствием буду держать ее у себя.

– Хорошо, я передам ему это. Но что дальше? Если кто-то будет по-прежнему продолжать...

Подали лимонное суфле. Том не сдавался. Он был убежден, что прав. Почему он не мог найти слов, которые убедили бы и Мёрчисона? Очевидно, дело в том, что у Мёрчисона была не артистическая натура – иначе он не говорил бы так. Он был не в состоянии оценить Бернарда по достоинству. Какой смысл распинаться насчет подписей и истины и даже, может быть, привлекать к этому полицию? Какое это имело значение по сравнению с тем, что ежедневно делал Берnard у себя в студии? Это, вне всякого сомнения, была работа настоящего мастера. Как это говорил Ван Мегерен?.. (Или Том сам записал это когда-то у себя в записной книжке?) «У художника все получается естественно, без усилий; его рукой водит некая сила. Тот, кто подделывает художника, прилагает сознательные усилия, и если он достигает успеха, это тоже художественное достижение». Нет, все-таки он тут перефразировал чужую мысль. Но черт бы побрал этого самодовольного Мёрчисона, святее всех святых! У Бернарда был, по крайней мере, талант – гораздо больший, чем у Мёрчисона с его гидравликой, трубопроводами и транспортировкой упакованных товаров, – и даже эта идея, кстати, принадлежала не ему, а некоему молодому инженеру из Канады, как сказал сам Мёрчисон.

Настала очередь кофе. Коньяк был подан, но никто из них к нему не притронулся. Лицо Мёрчисона, мясистое и довольно румяное, представлялось Тому каменным. Но глаза его прямо против Тома были яркими, в них светился ум.

Половина второго. Через полчаса пора ехать в Орли. Может быть, ему тоже надо поспешить в Лондон, как только уедет граф? Но что он сможет сделать в Лондоне? Чтоб этому графу пусто было, в сердцах подумал Том. Судьба фирмы «Дерватт лимитед» была неизмеримо важнее того хлама, который граф таскал с собой. Том вдруг вспомнил, что Ривз не сказал ему, куда он подсунет графу свою контрабанду – в чемодан, в портфель? Должно быть, Ривз позвонит сегодня вечером. На душе у Тома скребли кошки; он больше просто не мог усидеть на стуле, на котором прямо-таки корчился уже минут десять.

– Я хочу дать вам с собой бутылку вина из моего погреба, – сказал он Мёрчисону. – Может быть, пройдем туда, и вы выберете?

Мёрчисон расплылся в улыбке:

– Великолепная идея! Спасибо, Том.

В погреб можно было попасть из сада, спустившись по ступенькам к зеленой двери, или из туалета на первом этаже рядом с маленькой передней, в которой гости вешали свою одежду. Том с Элоизой устроили этот дополнительный вход, чтобы не выбегать на улицу в плохую погоду.

– Я отвезу бутылку домой, – сказал Мёрчисон. – Было бы жалко разделаться с ней в Лондоне в одиночку.

Том включил свет. В большом и сером погребе было как в холодильнике. А может быть, так казалось после натопленного помещения. Здесь стояло пять-шесть винных бочек – некоторые из них пустые; вдоль стен тянулись ряды бутылок на стеллажах. В одном из углов были два больших бака – для топлива и для горячей воды.

– Вот разные марки кларета, – указал Том на один из стеллажей, наполовину заполненный покрытыми пылью темными бутылками.

Мёрчисон с восхищением присвистнул.

Если уж решать вопрос окончательно, то здесь, подумал Том. Но он смутно представлял себе, как это сделать, – он ничего не планировал. «Пошевеливайся», – говорил он себе, но сам только медленно шел вдоль стеллажей, рассматривая бутылки, прикасаясь к обтянутым красной фольгой горлышкам. Он вытащил одну.

– Вот марго. Вам понравилось.

– Превосходно, – сказал Мёрчисон. – Большое спасибо, Том. Я расскажу своим о погребе, в котором было это вино. – Он благоговейно взял бутылку.

– Так вы не передумаете – насчет разговора с экспертом в Лондоне? – спросил Том. – Может быть, оставить все как есть – хотя бы из спортивного интереса?

– Не могу, Том. – Мёрчисон негромко рассмеялся. – Хорош спортивный интерес! Хоть убейте, не возьму в толк, чего ради вы выгораживаете их. Разве что...

Том видел, что Мёрчисона поразила неожиданная мысль, и он знал какая. Он понял, что Том тоже замешан в этом деле и получает от него определенную выгоду.

– Да, у меня есть в этом свой интерес, – быстро сказал Том. – Послушайте, я знаю того молодого человека, который разговаривал с вами позавчера в отеле. Я хорошо знаю его. Это он подделывает Дерватта.

– Что?! Этот... этот...

– Да, этот нервный парень. Бернارد. Он был другом Дерватта. Понимаете, они начали все это с самыми лучшими намерениями...

– Вы хотите сказать, что Дерватт знает об этом?

– Дерватт мертв. В галерее его роль играл другой человек. – Том выпалил это, чувствуя, что терять ему уже нечего, а шанс спасти положение, может быть, еще есть. Мёрчисон же должен был спасать свою жизнь, хотя сказать ему это напрямую Том не мог – пока еще не мог.

– Так Дерватт мертв... И сколько времени уже?

– Пять или шесть лет. Он действительно умер тогда в Греции.

– И значит, все картины...

– Написаны Бернардом Тафтсом. Вы сами видели, что это за человек. Он покончит с собой, если все узнают, что он подделывал картины своего умершего друга. Ведь именно он посоветовал вам не покупать больше Дерватта. Разве этого не достаточно? Понимаете, галерея попросила его написать пару картин в стиле Дерватта...

На самом деле это предложение исходило от него, но это не имело значения. К тому же Том понял, что зря старается, – и не только потому, что Мёрчисон был непреклонен, но и из-за собственной раздвоенности, которую он уже давно признавал. Он всегда видел обе стороны медали, чувствовал и добро и зло и был искренен и в том и в другом. Он и сейчас стремился спасти Бернарда, спасти «Дерватт лимитед» и даже самого Дерватта. Но Мёрчисон никогда не поймет его.

– Бернارد больше не будет участвовать в этом, я точно знаю, – сказал Том. – Неужели только ради того, чтобы доказать свою правоту, вы позволите человеку покончить с собой от стыда?

– Ему надо было стыдиться, когда он брался за это. – Мёрчисон переводил взгляд с рук Тома на лицо и опять на руки. – Это вы выступали под видом Дерватта? Ну да. Я запомнил руки. – Мёрчисон горько улыбнулся. – А еще говорят, что я не наблюдателен!

– Вы очень наблюдательны, – бросил Том. Внезапно он разозлился.

– Господи, у меня еще вчера мелькнула мысль. Ваши руки. Интересно было бы посмотреть на вас с приклеенной бородой.

– Почему бы вам не оставить людей в покое? – настаивал Том. – Разве они приносят такой уж большой вред? Картины Бернарда хороши, вы не можете этого отрицать.

– Да будь я проклят, если оставлю это так! Ни за что! Даже если вы осыплете меня с ног до головы своими погаными деньгами, чтобы я не раскрывал рта! – Лицо Мёрчисона покраснело, подбородок дрожал. Он бросил бутылку об пол, но она не разбилась.

Тома охватил гнев. То, что Мёрчисон отказался от его вина, оскорбило его. Не глубоко, конечно, но это наложилось на все остальное. В тот же миг он схватил бутылку и с размаха ударил ею Мёрчисона по виску. На этот раз бутылка разбилась, вино разлилось, а доннышко упало на пол. Мёрчисон повалился на стеллажи, и те закачались, но больше ничего не упало, кроме самого Мёрчисона, который стал оседать на пол, цепляясь за бутылки, но не опрокинув их. Том схватил первое, что попало ему под руку, – это оказалось пустым ведерком для угля – и опять ударил Мёрчисона по голове. Затем еще раз. Днище ведерка было тяжелым. Мёрчисон лежал на боку, истекая кровью, его тело скорчилось на каменном полу. Он не шевелился.

Что делать с кровью? Том кружил по погребу в поисках какого-нибудь старого коврика или хотя бы газеты. Под баком с топливом он увидел большой ковер, грязный и задубевший от времени. Схватив его, Том начал вытирать кровь, но тут же бросил, поняв, что это бесполезно, и огляделся. «Надо спрятать его за бочку», – подумал он. Он взялся было за ноги, но сразу опустил их и пощупал пульс на шее. Он ничего не почувствовал. Набрав побольше воздуха, Том обхватил Мёрчисона под мышками. Рывками он дотащил тяжелое тело до бочки. В углу за бочкой было довольно темно, но ноги высывались наружу. Он согнул ноги Мёрчисона в коленях, чтобы ступней не было видно. Однако бочка стояла на подставке высотой дюймов шестнадцать, и если встать посреди погреба и посмотреть в этот угол, то можно было заметить тело, а нагнувшись, разглядеть его целиком. Надо же, подумал Том, чтобы в такой момент не найти ни старой простыни, ни куска брезента – ничего, чем прикрыть тело! А все мадам Аннет с ее страстью к чистоте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.